

Рафаэль
Файзирахманов

**Книга
жизни.
Письмо
в будущее**

Рафаэль Файзираханов

Книга жизни. Письмо в будущее

«Издательские решения»

Файзрахманов Р.

Книга жизни. Письмо в будущее / Р. Файзрахманов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936365-7

История моей «Книги жизни» основана на реальных событиях, которые происходят со мной с самого рождения. Самые важные вопросы в жизни людей, о смысле жизни, о Боге, об НЛО, о потусторонних мирах, что все это такое, и какова реальность на самом деле, в каком мире мы живем, что происходит вообще со всеми нами, и как можно жить иначе? Какие послания мы получаем на полях из будущего? Что такое Святой Грааль? Существует ли жизнь после смерти?

ISBN 978-5-44-936365-7

© Файзрахманов Р.
© Издательские решения

Содержание

Здравствуйте все. Кланяюсь	6
«Письмо в будущее»	7
«Мой дом в конце деревни». Советский Союз. Украина. 1978 год	8
17 марта 1980 год	9
1981 год. Весна	11
1982 год. Весна	12
1983 год. 13 июня	13
1984 год. Весна	15
1985 год	17
1986 год	19
Лето 1987 года	21
1988 Новый год	22
1989 год	23
1990 год	25
1991 год	27
1991 год	28
1992 год	29
1993 год	30
1994 год	33
1995 год. Январь	35
1996 год. Лето. Август	39
17.10.1997 год	42
1998 год	57
2007 год 13.10	66
1998 год. Осень	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Книга жизни. Письмо в будущее

Рафаэль Файзрахманов

© Рафаэль Файзрахманов, 2020

ISBN 978-5-4493-6365-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуйте все. Кланяюсь

Я знаю, что у вас очень много дел,
И времени на все порою не хватает.
Но все же я надеюсь,
Что на мое к вам откровенье
Вы сможете найти мгновенье.

Будет нелегко читать все то, что было на моем пути, и осознать все то, что будет впереди. Прошу у вас я помощи с большой, большой Надеждой. Еще с надеждой... Вы правильно меня поймите. Открыть ведь правду нелегко. Настало время.

ПОМОГИТЕ!!!

«Письмо в будущее» 2002 Год. Весна

Все из чего-то вытекает. Идя по ходу жизни, затекает во что-то, расплывается, растворяя свой след во временной плоскости. Изменяет окружность, не замечая этого, потому, что оно знает и помнит о том всегда...

– Надо успеть догнать. Я чего-то упустил, упустила или упустило.

– Понимаешь? Дело – труба. Ты находишься в ней, а она крутится. И ты никогда не поймешь того, что попал в мыльный пузырь, точнее, между стенок в пленке его. И как, и сколько бы ты ни ходил по кругу, в основном видишь, чувствуешь и слышишь только то, что шуршит перед твоими ногами, а что происходит над головой – и так давно известно. Ярко светит солнце. И днем, и ночью всходит луна. И только тучи иногда сгущают краски. А иногда видна радуга в парящих каплях дождя. Но это так, ерунда. Об этом долго думать нам с тобой не стоит. Догоняй, ищи чего-то. Постой! А что ты ищешь? Почему? Зачем?

– Не знаю!

– Ну, так беги же! Когда-то должен ты найти чего-то на своем пути. Или, может, кто-нибудь подскажет тебе что-то, если сам ты не догонишь, не поймешь.

Весна 2004 год.

Я много раз получал по голове и до меня дошло:

– В слепой толпе не обойтись без столкновения.

– Вчера пришел домой побитый, пьяный.

– Опять меня никто не понял.

– Зачем тогда мне это все: мои труды, работы?

– Наутро я проснулся.

– Оооо, где же моя тема, мои стихи и правильная мысль?

– Нету! Вчера спалил я правду в печке.

– И как так мог я поступить?

– Мне надоело это, и от реальности хотел я убежать.

– Сейчас я трезвый, и придется вторую книгу написать.

Мы живем в мире кино, где возможно передать информацию на длительное расстояние. Оставляя память на киноплёнке, многократно наблюдаем за судьбами героев фильма, сравнивая свою жизнь. Смотря на кинескоп, отражаемся в нем. Конечно же, представляем себе все, что угодно, не осознавая того, что нас может коснуться подобный сюжет, как в этом фантастическом фильме, который, может быть, вы смотрели на днях.

Каждый живущий на земле человек наполняет смыслом сюжет своей картины. Я же хочу рассказать вам о том, какая картина реального мира отразилась во мне, в моих глазах, ушах, душе и во всем моем теле, свидетелем чего я стал. И после этого всего я понял...

Люди не хотят знать правды, так как ее дано увидеть немногим. И лишь единицы из них способны открыть ее, даже несмотря на то, что его примут за сумасшедшего.

«Мой дом в конце деревни». **Советский Союз. Украина. 1978 год**

В этот год встретились, полюбили друг друга и сыграли свадьбу мои родители.

Мама – Гельман Людмила Викторовна, 1958 года рождения.

Папа – Файзрахманов Алик Наширович, 1956 года рождения.

Отец работал на Донбассе шахтером. Его получка в месяц составляла 500 рублей. Жил в общежитии. По вечерам успевал в доме культуры занимать место клавишника в музыкальной группе. Ставил дискотеку. Там они и встретились.

Мама, в свою очередь, была поваром в столовой, получала копейки.

Поселок назывался «Садово-Хрустальский».

Своей квартиры не было, пришлось жить с родителями моего отца.

Баба – Говорова Варвара Афанасьевна. Год рождения – 1922. По документам – 1919 год. Так надо было.

Дед – Файзрахманов Нашир Кавиевич, 1924 года.

Отцу моему в паспорте сделали ошибку. Букву «и» вписали.

Отец у своих родителей единственный. Была у него сестра на два года старше его, но она умерла в восьмилетнем возрасте.

Дед и баба были прорабами, мотались по стране в поисках денег, оставляя своих детей на совесть безответственным знакомым. У тех пьянки, гулянки, и глупый ребенок выпивал вместе с ними в то время, когда они удивлялись. Так и случилось горе.

Папа переболел страшными в то время болезнями, но все же выжил. Картина с детства осталась. В пятнадцать лет он покинул отчий дом.

Родители моей мамы – Гельман Виктор Михайлович и Сергиенко Мария Герасимовна. Дочь растить не хотели. Спустя семь лет, родили себе сына Владимира и вовсю занялись его воспитанием.

После свадьбы, как я сказал, маме с папой пришлось жить с родителями моего отца. Если можно так сказать, кошмар, а не жизнь.

Пока отец под землей в смену уголь добывает, мама беременная в трехкомнатной квартире с дедом и бабой воют. То-то не так, то это не то. Мама ни в чем не виновата. Случился выкидыш.

17 марта 1980 год

Мама родила Славика. Он постоянно плакал, мама почти от него не отходила.

– Что он у тебя постоянно орет? Заткни его!

– Она ведьма, Нашир!

– Ты зачем иголки загибаешь и по углам их кидаешь?

Мама поставила условия отцу:

– Я так больше не могу. День не сплю и ночь на стреме. Твой Отец сказал: «убьет». У него справка из психушки. Я в этом не сомневаюсь. Так что уходим от них. Квартиру разменять они не хотят.

Папа запил. Мама ушла в ничуть не лучшие условия к своим родителям с грудным ребенком на руках.

Отец рассчитался с работы и дня через три, приняв решение, приехал за мамой.

– Вот, Людмила, есть газета, в ней написано: «Если есть желание, можете поехать по переселению на Дальний Восток. Даем подъемные, работу, хату».

– Выхода другого нет. Надо ехать.

Утром поехали в поселок собирать документы, необходимые для отъезда. Сына оставили у сестры бабы Варвары тети Дуни. Когда вернулись за ним, войдя в дом, мама застала тетю Дуню, как та кормила месячного Славика старой котлетой.

– Ты посмотри. На час нельзя оставить нашего сына у твоих родственников.

Забрали сына. Чемоданы в руки. попрощались со всеми и отправились на вокзал.

В дорогу тетя Дуня пророчила:

– Слава буде мрец.

– Тьфу! Дура старая. – сплюнула трижды мама.

Сели в поезд. Едут. Чем дальше к востоку, тем хуже представлялось свое будущее.

Вдоль железной дороги стоят невзрачные поселения, мрачные, серые бараки.

– Действительно, ссылка, а мы сюда добровольно едем.

Подъезжая к небольшому городу Биробиджан, Славе вдруг стало плохо. Он закатил глаза под лобик, весь скрючился и стонет. Родители вышли. Мама с сыном отправились на скорой в больницу.

Отец пошел туда, где все обещали устроить. Но там вдруг сказали:

– Ничего нет. Езжай в село Казанка, в 40 километров к югу. Может, там, что и дадут.

17 рублей в кармане, отец едет в Казанку устраивать быт.

– Вот трущобы какие. Надо же было так. Поменять цивилизацию на глушь.

– Ну, что даешь, бригадир?

– Вон тот сарай.

– Ну и хата. Сколько же здесь блох? Нет. Жену и сына сюда нельзя.

Отец узнал, что еще в двадцати километрах есть село. В нем колхоз, жилье, работа. Приехал туда. Нашел квартиру. Устроился в колхоз электриком. С подъемными обманули, но дали аванс 30 рублей.

Папе в колхозе обещали платить 120 рублей в месяц, но заплатили половину.

– Эта первая зарплата, так как мы тебя не знаем. – отвечало коренное начальство.

Через месяц отец получил еще 60 рублей зарплаты. На этот раз он поступил так.

– Вы обещали 120 рублей. Платите 60. Я электрик, а не грузчик. И с этого момента вы меня в своей канторе больше не увидите.

Папка послал всех громким матом. Хлопнул дверью и ушел.

Деньги потихоньку закончились. Папа ходил на речку, ловил рыбу. Осенью продавал вареную кукурузу. Бил ондатру. Мама шила шапки, их тоже на рынок. Деньги появились.

Декабрь 1980 год.

Отец познакомился с местным энергетиком. Разговорились. Тот предложил.

– Нам на подстанцию требуется электрик. Получка – 150 рублей в месяц. После практики будет больше.

Работа заключалась в том, что надо в определенное время звонить в город диспетчеру, дежурному связисту ЗЭС и передавать цифры счетчиков некоторых фидеров подстанции. Иногда, получая от него команды, переключать рубильники, если это потребуется на тех же фидерах. Дело нехитрое, но и небезопасное. Ошибаться нельзя. 30 000 вольт.

Отец согласился. У мамы тоже средне техническое образование и через два месяца она устроилась туда же (ЗЭС – Западные Электрические Сети) дежурной подстанции села Надеждинское.

Переехали они в новый двухквартирный дом от ЗЭС, что на краю деревни.

1981 год. Весна

Дом был, еще сарай и огород за ним. Но огород принадлежал соседу, одному из тех начальников. Его дом снесли, а огород за ним остался. Пришлось родителям сажать картофель во дворе.

В деревне картошка стоила 15 рублей за мешок. Добрые люди наотрез продали ее за 30 рублей. Купили. Посадили.

Пришла осень.

Отец с сыном копают картошку во дворе. Сосед делает то же самое, но только за нашим сараем.

Мама в положении, хочу на свет родиться я.

1981 год. Первое октября. 14 часов 15 минут. Роддом города Биробиджана.

В это время, в этом месте появился я – еще один человек. Появился легко и сразу же принялся изучать этот мир.

Меня положили на весы. К ним была приделана блестящая металлическая ручка. С криком я схватился за нее, подтянулся, приподнялся и смотрю бегающими глазами. Это рассказала мне позднее мама. Она еще удивилась в том, что у меня на редкость длинные пальцы на руках и выраженная упрямая морщина промеж глаз, как у старика.

«Будет музыкантом», – обратили внимание люди в белом.

1982 год. Весна

Сосед ездит на тракторе с прицепом бочки жижи, удобряя почву на огороде. Мои родители смотрят. Вспахал. Мама с папой общаются...

– Послушай, Алик. У всех людей свои огороды находятся вблизи за своими сараями. Значит, за нашим сараем, есть наш огород. По-хорошему сосед не хочет решить этот вопрос. Будем забирать у него свое силой.

Взяли ведра, семенную картошку и пошли на огород.

Сажают. Прибегает разъяренный сосед. Пока он бежал, создалось впечатление, что он просто убьет за это. Отец показал ему лопату и сказал:

– Беги быстрее.

Сосед развернулся на 180 градусов и побежал еще быстрее, чем до этого.

Так с огородом проблема решилась. Сосед нашел себе другой участок.

К этому времени я тоже уже во всю бегал, хотелось побыстрее узнать обо всем.

В год и два месяца научился говорить длинные предложения, в то время, когда мой брат не мог правильно сказать слово «машина». Родители думали, что ему лень. Отец взял в руки ремень и сразу же привил Славику желание учиться правильно разговаривать.

В полтора года я допрыгался и сломал себе руку.

Папа, имея еще одну дополнительную профессию музыканта, устроился в сельский дом культуры завклубом. По вечерам, в свободное время от основной работы электрика, в клубе собирал кружок, где желающих учил играть на музыкальных инструментах в группе. Со временем стали ставить деревне концерт и дискотеку. «Человек – оркестр», – называли моего отца.

Вот с этого времени я начинаю себя ясно помнить и, главное, понимать, что я жив.

1983 год. 13 июня

У меня появилась сестра Кристина. Мама мне и старшему брату объяснила, что нашла ее в капусте, меня – в помидорах, а Славика – в яблоках. Позднее я облазил несколько огородов и садов, но никаких там братьев и сестер не обнаружил.

«Кончились», – подумал я.

Поговорив с ребятами постарше, для себя выяснил: «Меня обманули. Детей находят в больнице».

Сестра лежит в коляске. Мы с братом катаем ее по двору. Подходит мама.

– Нате витаминки, кушайте.

Мама нам их всегда давала. Белые плоские таблетки. Мне они очень нравились. Прошло время, захотелось еще.

– Мама, дай еще одну.

– Все. Они закончились.

Я подумал, что она меня снова обманывает, как с помидорами и капустой.

– Как закончились? Их же там так много в ящике лежит.

– Это таблетки. Их нельзя есть, можно умереть.

– Как умереть? Что такое умереть?

– Это значит, что тебя потом не будет.

– А где я буду?

– Нигде не будешь.

– А где я был до того, как я уже есть?

– А это, Рафаэль, ты поймешь, когда подрастешь. Ты понял?

– Ы-ы.

Я ничего не понял, кроме того, что таблетки горькие и противные, а витамины сладкие и кислые.

Зашел в дом. Тайком пробрался в комнату родителей. Открыл ящик, где хранилась аптечка. Открыл ее и начал искать витамины, пробуя на вкус все таблетки.

– Горькая таблетка. Эта тоже. Таблетки надо сложиться в эту сторону. Все. Пачек больше нет. А это что за пузыречек? Там тоже таблетки. Крышка не открывается. Там точно витамины. Их специально от меня так закрыли. Возьму пузыречек с собой, потом открою.

Я открыл пузырек во дворе с братом.

– Когда я искал витамины и не нашел их, сперва подумал, что мама не обманула меня. Витаминов нет. А теперь я уверен. Нас постоянно обманывают. Смотри какие круглые, маленькие, красные шарики. Красивые, сладкие – это витамины. На, держи, ешь.

– Нет, Рафаэль. Я такие не видел, нам их не давали. И вообще. Я не люблю есть таблетки.

– Ладно. Тогда все витамины мои.

С пузырьком я вернулся в дом. Зашел в свою комнату.

– Наконец-то у меня теперь много витаминов. Всегда приходилось ждать и есть по одной. А ладно! Зачем есть мало и долго? Съем сразу все быстро и много.

Разом закинул все шарики в рот, разжевал их и проглотил. Спрятал пустой пузырек под подушку и вышел во двор.

Через несколько минут ко мне в голову пришла мысль: «пойти с братом в деревню поиграть с соседскими детьми в мяч».

Пошли. Недолго мы шли. Меня по дороге качало в разные стороны.

– Что с тобой, Рафаэль?

– Ничего. Я просто пьян, – с хохотом ответил брату и упал.

– Рафаэль! Вставай! Хватит притворяться!

– Не могу. Земля очень быстро крутится и убегает из-под ног.

По пути нам на встречу шла тетя Света. Она подошла к нам и поинтересовалась у брата.

– Что с ним?

– Ему кажется, что он пьян, и поэтому притворяется, что не может идти.

Тетя Света взяла меня на руки и понесла к моим родителям. В глаза мне ярко светило солнце и было так хорошо, что я даже смеялся. Потом. Хлоп! Резко. Щелк! Вспышка. Картина проявилась. Вдруг стало так плохо.

Я нахожусь в какой-то белой комнате. Возле меня люди в белых халатах. Я лежу на кровати. К моей руке прицеплена прозрачная трубочка. Она приделана к стеклянной банке, в которой капает вода.

– Где я? Что это такое?

– Ты в больнице. Это капельница. Так надо. Не трогай рукой.

Через несколько дней меня выписали из больницы. Мне там очень понравилось. И совсем не хотелось уезжать. Но все же...

– Ладно. Поехали домой, мама.

– Сынок, ты съел 50 успокоительных таблеток для сердца. Ты мог умереть. Зачем взял таблетки? Тебе же говорили нельзя?

– Я же не знал, мама, что умирать плохо. Мне ведь было так хорошо.

– Когда тебе говорят нельзя, это значит – нельзя! Когда подрастешь, поймешь. Это значит – подрастешь, поймешь! Ты понял?

– Да, понял я! Понял!

На самом деле я снова ничего не понял в отношении смерти, но то, что этого надо опасаться усвоил.

– Умирать плохо для здоровья. Но как так можно бояться того, чего не знаешь? Или они что-то скрывают, обманывают, или серьезно ничего об этом не знают? Если взрослые здесь не знают того, что мне неизвестно, тогда кто там мне сможет объяснить то, что я не понимаю? И почему надо всегда чего-то ждать? Неужели самому придется все понять?

1984 год. Весна

Родители завели пчел.

– Не подходи близко к пчелам. Не вздумай стучать или совать палки в леток. Пчелам это не нравится, они могут тебя покусать и тебе будет очень плохо, – заранее предупреждает меня мама.

Отец в этот момент открывал улей.

– Вон видишь, папку твоего кусают? Сынок, если тебя будут кусать пчелки, ты так же, как и папа, беги быстрее домой.

Отец с криком бежал к дому.

«Пчелы плохие», – подумал я про себя. – «Они убивают. Надо от них избавиться».

Значит, им не нравится, когда стучат по улику и суют в леток палки?

Наутро вместе с солнцем проснулся раньше всех. Оделся. Тихо вышел из дома. Нашел палочки. Сунул их в леток. Активно подвигал ими там. Залез на домик и начал как можно сильнее бить ногами по крыше.

– Ага! Не нравится! Начинаете улетать?

Через несколько секунд я был в окружении стаи пчел, которые сбили меня с ног. Поднявшись с земли, я бежал к дому с воплями и думал:

– Вот, блин! Эти мухи умные. Бьют прямо по глазам.

В доме я понял, что мои родители видели все это в окно и смеялись.

– Ну что, понял? Это не мухи. С пчелами даже медведь справиться не сможет, – встретил отец на пороге.

– Как так, маленькие, а такие сильные? – спросил я отца. – Что такое яд, минерал, реактив? – посыпались с меня вопросы. – Как оно работает? Это можно сделать? Как оно выглядит?

Подрастешь, поумнеешь, в школу сходишь и поймешь.

– А когда в школу?

– Через три-четыре года.

Снова чего-то нужно ждать?

– Я могу тебя научить считать. Главное в этой жизни, сынок, – это математика. – Говорит мне отец, считая деньги в своих руках. – И тогда тебя никто не обманет.

Мне это как раз и надо было. Мне надоело, что меня постоянно обманывают.

Что такое обман, я уже знал.

И после разговора с отцом я понял: «В этом мире существует и движет всем обман. Как он выглядит, работает?

Я задумывался о том, что такое жизнь, Земля, люди, животные. Откуда это все взялось? И как много есть еще всего того много, чего я не знаю? Кот, пчелы?»

Летом я просыпался утром рано и наблюдал за восходом солнца. Солнце постепенно становится все жарче и ярче. Птички особые песни поют. Петух на заборе орет в такт. Летом пахнет, цветами, утренней росой. Туман в болоте исчезает. И это все я замечаю. Мне дышится легко и бодро.

– Постой! А это, что такое? Шары какие-то летают. Нет. Этого я никогда не видел. И как они так могут думать, вокруг себя вращаясь, блестящие и черные в конце?

– Послушай. Может быть, тебе это все снится? – глаза протер.

– Да нет. Не снится. Они на воздухе стоят. Крутятся вокруг друг друга, как будто в пузыре воздушном. И быстро, разом улетают все. И я не понимаю этого.

– И как это так может быть? Что это было такое, мама? – я задал ей вопрос.

– Не знаю. Тебе, наверное, приснилось?

– Так я сейчас что, сплю?

– Сейчас, малыш, ты наяву.

– Понятно. Теперь и ты не веришь мне. Тогда скажи, что есть на свете? Откуда взялось? Почему? Зачем?

– Позднее, вечером, узнаешь, когда появятся луна и звезды, сына.

Я вечера дождался. Взошла луна, и появились звезды. Я во дворе. И рядом мама стоит с поднятою рукою и тычет в небо, в звезды пальцем.

– Вот видишь, Рафаэль? Вот это звезды.

– А это что летает?

– Спутник.

– В нем люди есть?

– Конечно. Все эти звезды, луна, спутник и земля, они – все в солнечных системах. Это – в том. А то – вот в этом. И так галактика произрастает. И ты пророс. Ты понял это?

– Пророс, чтоб космонавтом быть?

– Будь. Сможешь, если умным станешь.

И когда должно случиться это? Опять чего-то надо ждать?

Я ждать не стал. И поутру пошел в лесок с братишкой. Нашли мы дерево повыше. Чтоб разглядеть всю землю лучше, пришлось на дерево полезть. Залезть смогли. И слезть я мог, но братик чего-то тормозил. Пришлось на веточке повиснуть. И объяснять ему, куда поставить свою ногу.

– Давай быстрее! Быстрее давай! Сейчас я упаду. Так долго держаться не смогу. Попал в капкан. Братан! Давай быстрее! Освободи мне место! Ты же не хочешь, чтоб мы вместе....

И тут же полетел. Упал спиной на корни. Спина до ужаса болит, сил нету встать и мыслей не хватает.

– И как это так может быть, чтоб с дерева не слезть так быстро? Ведь это все реально, братик. И ничего не бойся!

Славян-то мог. Он просто прикололся.

Поздней я тоже прикололся. Решил сестренку подразнить, но, убегая задом, залез в вареный комбикорм.

Еще поздней я с крыши падал дважды.

– Порой, бывает, что роса бывает скользкой часто.

Потом увидел, как мой брат засунул гвоздь в розетку. И как откинуло его.

– Вот это сила! Что есть что? И кто такой «розетка»? Я сразу же все понял.

– Вот как работает она, улетная система?

В грозу на молнию смотрел.

– Откуда эта сила? С жары, дождя и шара.

И два куска магнита попало в руки мне.

– А это что за чудо? Может так. И так он может. Кусок магнита, камня. Вот, блин! И этот тоже круглый. Вокруг я посмотрю. И сразу все я вижу, что все объединяет все. И это все шарообразно.

Всё во всем. Во всем есть всё. Нашел я этот ключик. Теперь смогу я все понять и космонавтом стану.

1985 год

Отец уволился из клуба. Ему не понравилось то, что после концерта он устроил выход своей молодой группы с альбомом группы «Битлз».

– Иностранщина!

Администрация выключила рубильник электропитания. Дискотека закончилась. Перешли на танцы под русские народные мелодии, под магнитофон. Советский Союз. Нельзя исполнять зарубежные песни. После ухода отца все музыкальные инструменты растащили.

Лето. Я с сестрой играю в прятки. Моя очередь искать.

– 1,2,3,4,5. Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват.

Захожу в комнату.

– Где же она спряталась?

Под кроватью что-то промелькнуло.

– Она под койкой. Напугаю ее.

Я лег на ту же кровать, где она спряталась, при этом создав впечатление, что, якобы, я устал и не могу ее найти.

– Сейчас я резко посмотрю под нее и громко крикну... Она испугается. Вот смеху-то будет.

Как только я подумал об этом, как вдруг сам напугался. Она вперед меня, неожиданно высунув свою маленькую ручку из-под той же, будь оно все ладно, койки, ущипнула меня за нос. Я не успел поймать ее.

– Все равно напугаю!

Сунул голову я под кровать. К моему удивлению, ее там не оказалось.

– Она не могла уйти не замеченная мной, – об этом подумав, я снова удивился.

Кристина вошла в комнату со своими претензиями.

– Ты почему меня не ищешь? Я там, как дура, прячусь, а ты тут спишь себе спокойно.

– Доиграем игру завтра.

Об этом я никому не сказал. Но нацарапал крестик на стене.

– Утром посмотрим, сон это был или нет.

Как только расцвело, Кристина вперед меня успела поставить на уши весь дом.

– Покажите мне еще раз этого маленького человечка, который приходил ко мне ночью.

– А почему ты нас не разбудила?

– Не знаю. Мне почему-то было очень страшно. Я не могла пошевелиться и что-нибудь сказать.

– А как он выглядел?

– Маленький, белый, смешной человечек с большими глазами. Он мне улыбался.

– Тебе это приснилось, дочка.

– Снова сон? Теперь это проходит с сестрой.

Метка на стене. Это был не сон. Я видел что-то белое. Сестра в ночи тоже белая. Значит, это был не сон?

Я не стал настаивать на том, что было прошлой ночью. Просто сказал Кристине о том, что родители нас, маленьких, постоянно обманывают. Не говорят нам правду. И не хотят нам объяснять то, что нам хочется знать именно сейчас. Вот только почему? Тогда я не мог этого понять. Как и то, что некий маленький человечек играл с нами в прятки.

– Папка. Как мне стать умным? Я хочу быть космонавтом.

Отец начал учить меня считать.

Осенью моя мама, я и старший брат поехали на Украину к бабушке. Туда мы ехали поездом. В Москве я впервые увидел черного человека. Меня удивило то, что такого не может быть. Это волшебник. Как он смог умудриться так вымазаться. Но костюм его абсолютно чистый, даже ослепительно белый, и зубы сверкают. В руках он держал блестящий кейс, и на голове его была большая белая шляпа.

– Может, он дурак?

– Мама! Славик! Пошлите я вам покажу дурака. Смотрите, какой он грязный.

Мы с братом видели чудо. Были рады и смеялись до упаду. Трубочист – волшебник тоже смеялся. Он понял, что его видят впервые.

Мама и брат погостили немного и уехали обратно также поездом. Баба Маша настояла на том, чтобы меня оставили.

В моей жизни появился первый друг по имени Артем. Мы с ним катались на трехколесных велосипедах по всему поселку.

Скоро приехал за мною отец. За окном шел дождь. Я заметил странное. Ведь у нас в Надеждинском уже давно лежит снег.

На следующий день я сидел в самолете в мягком, удобном кресле рядом с отцом. Мы летели домой. Хотя это был не такой самолет, на котором мне хотелось бы улетать, я все равно был доволен. Летчиком-то я уже стал.

Делали пересадку в Москве. Гуляли по городу. Я видел огромную церковь с ее золотыми куполами. Заходили в огромный магазин, где я на витрине увидел скрипку.

– Папка, купи ее мне. Ну, купи ее мне! Я буду постоянно на ней играть. Ты же меня научишь?

– Ты на нервах на моих играть будешь. Нету денег, сынок!

Полетели лучше на самолете. Я тебя дома научу на гитаре играть.

– Мне не нравится гитара. Мне нравится скрипка. И самолет не такой. Он должен быть по-другому сделан. И он не так должен летать.

– Не капризничай!

Снова на рейс. Быстро попали в Хабаровск. Затем поездом до Биробиджана. И на такси до деревни. Всего за один день я увидел и узнал столько много. Но все равно в моей голове было непонятно. Я-то знал, что самолеты есть намного круче, чем ТУ-134. Этот трясется так, что, кажется, что разлетится.

Дома я рассказывал брату о своих приключениях и полученных знаниях в результате поездки на Украину. Объяснял ему, что такое лампочка и как она работает. Что такое самолет, как он взлетает и что при этом чувствуешь.

1986 год

Я перемножаю тысячи на тысячи и говорю правильный ответ гостям, которых пригласили родители. Все удивлялись. Было такое, что один раз я переволновался и сбился со счета. Ошибся на несколько сотен. Сперва слышал:

– Какой способный малый. Вундеркинд?

Всем нравилось. Мне – тем более. Я говорил всем:

– Загадайте, загадайте мне цифры.

Никто считать так не умел. И не у всех тогда еще были с собою счеты. Я достал всех этим. Надоел. Я понял, что это уже никому неинтересно. И я перестал считать.

Лето. Кто-то сказал:

– Если убить лягушку, то испортится погода и пойдет сильный дождь.

Засуха. Взрослые недовольны. Урожай погибает.

Я с братом иду по дороге. Нам навстречу попалась лягушка, которая пыталась перепрыгнуть асфальт. Славик запомнил то, что кто-то сказал выше описанную глупость.

Я заметил его реакцию и понял, что сейчас произойдет.

– Славка! Не убивай ее. Этого нельзя делать. Так проблему не решить!

Брат остановился на мгновение с высоко поднятою рукою, с кирпичом над болотной тварью. Смотря в мои глаза с ехидною улыбкой, промолвив лишь одно:

– Нам нужен дождь!

Потом рука его устремилась резко вниз.

Лягушку я похоронил. На следующий же день был сильный ураган с дождем. Шел долго и не переставал, пока не залил все в округе.

В тот год почти у всех погнила на огородах картошка. Река вышла из берегов до такого уровня, что моему отцу приходилось плыть на подстанции на надувной лодке в то время, когда она находится под напряжением.

5 сантиметров до кроны.

– Если сейчас создам я волну, то не смогу я понять, что к чему, – рассказывал отец маме.

– Все! Хватит смотреть глазами моего мужа на смерть! Подстанцию надо обесточить. Иначе идите туда сами и смотрите, сколько вам там осталось. Он туда больше не пойдет. – Так общалась моя мама с начальством, спустя два часа.

Подстанцию обесточили. Свет в доме погас.

– Ну вот, Славик. Что ты натворил? Я же тебе говорил. Нельзя убить лягушку. Теперь нет света и картошки. Отца чуть не убило. Ты, не дай бог, еще раз тронешь тварей, и я об этом папке расскажу!

Потом я понял смысл слова «ябеда», когда братан по жопе получил.

– Ведь я тебе же говорил. Тебя волна коснуться может тоже, и этот смысл ударить тоже может.

Потом забыли обо всем. Нашли на поляне стог сена с братишкой. Залезли на него. Попрыгали немного. Увидев это, хозяин этой кучи прогнал подальше нас и бате рассказал. Отец нам приказал:

– Не трогать эту кучу!

Но мы ослушались его. Пошли туда и снова прыгать стали.

– Ну, почему нельзя? Как это интересно! И с сеном ничего не стало.

Мужик опять увидел нас. И снова бате настучал.

На этот раз попали мы так сильно... А после появилась мысль. Спалили на фиг сено. Но лучше нам не стало. По жопе снова получили.

И если бы мужик ни слова не сказал отцу, а просто нам бы объяснил без матов, то мы бы не трогали его, и он остался бы с сеном.

– Сынок, не подходи к собаке, когда питается, она бывает очень злая и может покусать.

Позднее:

– Можно, мама, на улице покушать мне?

– Конечно, сына, разрешаю.

– Не подходи ко мне, собака! Когда я ем, я очень злой. Возможно, покусаю.

Осень. В деревне много конопли, и коноплистов понаезжало тоже очень много.

– Дети, вы не ходите по кустам. Там травокуры злые. Поймают вас, что-нибудь сломают.

А что такое конопля и травокуры, я не знаю. Пойду туда и посмотрю.

– Действительно. В кустах шуршится кто-то. Смотри! Терзает куст травы, которая воняет. Этот парень, конечно же, больной. Бежать отсюда надо.

– А! Там коноплисты!

Курсую всем вокруг. И коноплисты в другую сторону бегут с испуга.

– Ого, что сегодня я узнал. В кустах дурак всегда сидит и кустик трет. А может быть, он не дурак? Позднее все узнаю.

Моей сестре 3 года. Она башкой своей мотает с утра до вечера туда-сюда. И что-то напевает о том, чего никто не знает.

– Что вижу – то пою! – сказала она мне.

– Понятно. Но зачем башкой мотаешь?

– Не знаю. Мне это очень интересно.

Лето 1987 года

Родители накачали 40 фляг меда. Пол прогнулся в зале.

Родители моего отца переехали навсегда поближе к нам в город Биробиджан.

Дед уже несколько лет стоял на очереди на автомобиль «Таврия». Но по благу купили «Запорожец».

Сестра попросилась на охоту с отцом. Вернулись обратно и рассказали нам о том, что видели на небе НЛО. Односельчане тоже это видели. Летящую по небу блестящую тарелочку с хвостом.

Пошел учиться в школу, в первый класс. Познакомился со всеми я ребятами и с первой училкой своей.

– Наконец-то, наконец, я скоро стану умным. Читать уже могу. А как читать? — Понять я не могу.

Д + А =? Ну? =ДА! Ага! Чтоб читать, здесь снова нужно прибавлять слог к слогу. Мы получаем слово. Слово к слову – предложение. Дальше – фраза, смысл мысли. Но почему пятерок мне никто не ставит и на последней парте я сижу? Я же хотел быть первым.

Дело в том, что мой отец и мать стали бороться с властью. Сгущенку они стали варить и поставлять ее народу. А бюрократы запрещали и делу не давали ходу. Закона не было тогда на производство частное. И месяца за три отец скопил на «Волгу».

Тогда они решили сахар по талонам сделать. Но все равно отец греб тонами его. Бабос с Райпо в деревню приходил. Выдавала деньги продавщица. Кричала во все горло:

– Сегодня столько!!! Знайте, люди, завидуйте ему.

И в школе не любили нас, особенно учитель. Всегда цеплялась до нас с братишкой... Да не по теме. И чтоб особенно не выделяться, мне расхотелось первым быть в учении. Но математику всегда я догонял. Мне очень нравится она. Конечно, пятерок я не получал, но знал, что в классе лучше меня нет в этой науке классной. Позднее задан классу был вопрос.

– Ребята. Вы напишите на бумаге:

1. Зачем пришли сюда учиться?
2. К чему хотите вы стремиться?
3. Конец сравним в итоге, когда вы подрастете.

И все задумались тогда. И наступила тишина.

Прервав ее, один сказал:

– Певцом я буду.

Другой ответил:

– Я ментом.

Третий – поваром. Четвертый же хотел быть просто пастухом.

Я мечтал быть космонавтом. Но не таким, как все. И прежде, как летать, я написал: «Изобретателем хотелось бы мне стать. И сделаю я ту машину, которую я видел в детстве первый раз так близко. Ведь это был не сон».

В то время бюрократы придумали закон. Прижали родаков.

– Сгущенку не фиг вам варить, так попа может влипнуть. И дети могут пострадать!

Пришлось родителям забыть секрет сгущеноварки и денег больше не считать. И по ночам стали спокойно спать. Ведь нищий никому не нужен.

Зачем тогда ... «0, прогресс!» И ноу-хау, если ты свободы действий не имеешь и за тобой все глаз да глаз...?

– Как бы не стал ты лучше нас, умней, богаче и свободней!

1988 Новый год

На праздник Нового года не папа, а мама сделала с меня Буратино.

БУ-РА-ТИ-НО! И у меня был золотой ключик. Надо мной все смеялись. Нос у меня был слишком длинный.

1989 год

– Мам, к чему у Горбачева на лысине такое?

– Ты сам, как думаешь, сынок?

– Я думаю, что это карта нашей земли.

– Ты что, сынок? Какая карта?

– Царь утром, просыпаясь, смотря на нашу землю в зеркальном отражении, он знает обо всем и помнит обо всех.

– Причем тут зеркало?

– При том, что в зеркале он видит, что скоро будет столкновение. Земля летит, растет и в отражении, как будто камнем, прилетает в лоб. И это видит президент. С утра стоит и умывает руки.

– Господь с тобой. Какие руки? Это родимое пятно, и у тебя присутствует оно.

– Об этом, мам, я знаю. Но знает ли об этом он? И что случится с зеркалом? Останется оно цело после удара? Не будет ли чесаться лоб? А что будет со мною? Как отразится это все на мне? Ведь он же бьет. Да не по лысине своей. Наверно, в зеркале он нас не видит, не может разглядеть. Зачем тогда очки напялил и рожу умной сделал?

Этот смысл я видел в восемь лет. Кому-то до сих пор кажется, что в этом нет никакой закономерности. Я не только о перевороте, но и о будущем астероиде, который в данное время падает на нашу землю. Я это знал еще в раннем детстве.

Весна.

В автомобильной аварии погибает старшая сестра моего ближайшего друга Пинчака Сергея. Наталье было около 17 лет. Сергею ее очень не хватало. Я не мог этого понять.

– Как так? Была – и теперь нет?

В тот же год умерла моя бабушка. Мама моего отца – Говорова Варвара Афанасьевна. Она упала, моясь в ванной, ушибла бедро. В больнице решили иначе. Практиканты закололи ее легкие, печень спицами в поисках какой-то жидкости. Они долго ее искали, пока все не поняли, что не в этом суть, – было уже поздно. Бабушка умерла. Как-то глупо все это. Врачебная ошибка.

Так погибла племянница Маршала Советского Союза. Она в войну попала в плен к немцам. После ее документы были подделаны на два года старше. Никто не хочет портить жизнь своим близким.

Подслушанный разговор в автобусе.

– Селу Валдгейм хвала и честь, а в основном, что гинеколог есть.

Скажу я вам, он чистый субчик, фамилия его Голубчик. Как ни придет больной к нему, он тут же молвит:

– Не пойму. Вы что, больны? Так расскажите, чем? Куда вы шли? Пришли зачем? У вас процесс идет так гладко, что не пойму я... Вот загадка.

В конце качает головой и отправляет всех домой.

Отец поставил 12 фляг медовухи. Тринадцатая стояла в кладовке: перегонялась на медовую водку. Подъехал милицейский уазик.

Отдыхал. Был выходной. Слышу наглый стук ногой.

– Ты не бойся, я с душой. Наспусти к себе домой.

Вот заходит истукан – дядя Саша великан, словом, вылитый Курган.

– Где? Чего? Кого купили? Почему не доложили?

На вопросы время тратил, сразу видно – нюх утратил. На скотину зорко глянул.

– Как доить бы показал...

Тут мой пес не удержался. Как с цепи он не сорвался?

– Я бы в миг те доказал. Живой двор – не кинозал.

– Жаль мне форму. Я б остался. Но не хватает нам до плана три каких-нибудь болвана.

Здесь скомандовал он:

– Но!

И помчал в Головино.

Я влюбился в одноклассницу.

– Ты стройна, умна, красива. У тебя длинная, белая коса. Давай дружить с тобою, Лена. Я буду рядом и с тобою буду счастлив до конца. Ты тоже будешь мне верна и никогда не бросишь. Ведь я люблю тебя. О, нежный мой цветок!

– Конечно, Рафаэль. Всегда мы будем вместе, и сейчас поехали с тобою на велосипеде туда-сюда. О, как хорошо мы едим!

Потом велосипед сломался.

– Пойду-ка я домой, любимый мой. А как велосипед починишь, ты подъезжай. Мы снова будем вместе.

– Так вот они какие, эти девчонки!

По телевизору выступил пророк – женщина. Она говорила много о прошлом, давала прогнозы на будущее. Я запомнил только то, что с 2005 года в России будут большие перемены, в хорошем смысле слова. Войн больше не будет. Все будут сыты и довольны.

– Как вам удастся видеть будущее?

Пророк ответил:

– Просыпаясь рано утром, не смотрите в окно. Просыпайтесь медленно и попытайтесь вспомнить свой сон от начала до конца. Так вы научитесь видеть будущее сквозь сон.

«Видеть будущее? Способность контролировать последовательность не только своих, но и иных действий. Это интересно!» – подумал я про себя.

Я начал запоминать свои сны. Они были разные, разноцветные, черно-белые. Я запомнил только те, что повторялись с продолжением. Только они сбывались.

Мы, как всегда, пошли с друзьями на конюшню, лошадок покормить да покататься на них после. Но в этот день особый не получилось сделать это. На сбой пошла конина.

– Вам что, балбесы!? Быков, баранов мало? Лошадок вам совсем не жалко? А как деревня без конюшни? И что за планы дальше? Скотину как пасти? Коней хороших мало!

– Уйди в сторонку, малый. Подальше. Не мешай. В долгах мы по уши сидим. А кони? Хрен с ними, это мясо. Сейчас мы вылезем, а завтра кого-нибудь еще съедим.

В школе «Зарница».

Первые и вторые классы собрались против третьего. Построили баррикады.

Учителя всем сказали, что это игра. Надо захватить снежную крепость. Сорвать погоны с тех, кто там будет, и поставить свой флаг.

Все поняли правильно и поэтому дрались по-настоящему. Этот дурдом был заложен в несколько поколений. За год до этого зарница продолжалась еще целых две недели. Многие ходили со сломанными носами. Мы дрались на больших переменах и после уроков. Учителя ничего не могли с этим поделать.

Это же была революция. Драться я не любил. Мне нравилось бороться.

1990 год

Родители мыслят. Понять ничего не могут. В доме появились разговоры о прошлом России. О том, что в свое время натворил Ленин, что с этого вышло.

Мы с братом начали спорить с нашей учительницей в школе. Она была патриот, коммунист. Наш спор ей очень не понравился. Еще большим шоком для нее оказалось то, что мы осмелились снять с себя школьную форму и прийти в вареных джинсовых костюмах на урок. Она возненавидела нас. Это было серьезно. Следом за нами переоделись остальные ученики. Красный галстук – не в тему.

Как-то попала мне в руки одна интересная книга. Интерес не в том, что я прочел. Тогда я в смысл написанного шибко-то не вникал. Она привлекла меня своей обложкой. Я решил сделать своими руками похожую на нее свою записную книжку. Я хотел записывать в нее все главные происшествия, события, которые я заметил. Хотелось понять, предугадать заранее, в конце-то концов, куда ведут меня все эти непонятки. В ад или, либо в рай? Поэтому с обложки я и начал. Она была сделана с арголитного листа, поверх которого сделал узор по краям с медной крученой проволоки и медной крошки. Я не знал, какая картина должна быть на обложке по центру. Поискал в журналах. Ничего подходящего не было. Через некоторое время лучший сюжет был найден на дороге. Кто-то как-будто не потерял, а специально подбросил. На открытке картина прикольного мужичка с посохом в белом одеянии, с длинной белой бородой и длинными белыми волосами. Святой человек.

«Какая же это обложка? Это икона!» – говорили все, кто смотрел на мое изделие.

8 марта я подарил икону своей любимой учительнице Любови Михайловне Черненко. Она плакала. Ей всегда дарили только цветы. Она никак не могла предположить, чтобы я был способен на такое. И она перестала меня ненавидеть.

– Теперь я точно стану умным!

Казалось мне тогда. Я выбрал хитрую тактику. Мысль сама напрашивалась. Я приучил учительницу к тому, чтобы она думала про меня, что я, якобы, тупой и не могу сам справиться с домашним заданием. Любовь Михайловна решила заняться мной и еще одним балбесом Пинчаком Сергеем. В общем, я с другом ходил к ней домой и она, по сути, делала уроки за нас. На следующие дни все повторялось. Она не могла постоянно только нами заниматься. Я знал это. Особое внимание на домашнее задание было потеряно.

Я мог учиться сам. Моя лень – нет. Проще было психологически подготовить всех к восприятию по отношению к себе, беспомощным в науке. Обеспечить себе и достаточно натянутой тройки пожизненно. Зачем лезть вперед или отвечать за что-то? Так проще. О мечте с детства забыл. Стал заниматься, чем хотелось. В основном бездельничал. Боролся с пацанами. Бегали по баракам совхоза. Шкодничал. Прикалывались над мужиками. Русский экстрим. Попадали мы редко, но метко.

Для подобных случаев мы брали с собой Саблина.

На уроках сзади меня всегда сидела Собалева Наталья. Она была немного чудной. Все учебные принадлежности носила всегда с собой в своем огромном ранце. Ее портфель поражал своей вместительностью и весом. Мне было жаль ее, тем более, что она мне нравилась. Я подшучивал над ней, привлекая тем внимание. Она реагировала всегда агрессивно. Цепная реакция, точнее, ответная реакция с моей стороны также. И мне всегда не давал покоя ее портфель.

– Ну почему она себя так ведет? Зачем набила свой портфель Наталья до отказа? Сегодня понедельник, уроков только три, за ними труды.

– Не твое дело. Отвали! Отстань! Достал, зараза!

– Ну, ладно. Хрен с ним. Дашь линейку?

– Не дам. Свою надо иметь.

– Зачем своя? Свою таскать мне лень.

– Отдай, отдай мою линейку!

– Сейчас поля я проведу.

И тут в моей башке сверкнуло что-то.

– Ты что такая дура? Зачем же бить по голове портфелем? Ты знаешь, как мне больно?

Держи в обратку! Думай!

И со слезами на глазах Наталья собрала тетрадки и убежала с класса. Захлопнулась за нею дверь.

– Какой же я балбес. Зачем ударил я Наташку?

Зашевелилось где-то. И к вечеру уже весь инцидент исчерпан был.

Нас было четверо, и мы пошли все в клуб. Завклубом был Натальин папа. Я этого не знал.

Панфил сказал, что, якобы, в кружок хотят нас записать.

– Не все! Втроем пойдем. А ты, дурак, останься здесь. Нам Саблин там не нужен.

– Здоровы, пацаны. Так кто же бил из вас Наталью?

Я сразу же все понял. Но Саблин, сзади подбегая, вдруг кричит, не разобравшись, с азартом прыгая, руку тянет к потолку.

– И я! И я там был!

Отцу послышалось, что БИЛ!

– Ничего себе, какая наглость? Так эта сволочь ты?

Держа его за глотку, папаша молвил:

– Если ты еще раз тронешь дочку, то я твои шары засуну тебе в попу. Ты понял или нет?!

– Ну, а причем тут я? Чуть, что... – так сразу я? —

Хрипя, ответил Саблин. И тут же получил. А мы в углу стояли, смеялись надо всем.

И в тот момент я понял...

– Всему виною Саблин был. Он получил свое. С тех пор в грехах он ходит. И если кто нашкодит...

– Кто сделал это?!

– Саблин!

– Конечно же, все он.

– Здесь все вам подтвердят.

Потом разбили с шалости мы стекла в школе.

Потом избил я пацана.

Потом все также с шалости перевернули парты в классе. Об этом происшествии узнал директор школы. Но хором все сказали просто в шутку...

– Саблин!!!

Затем отчислили его со школы.

Уже прошло немало лет, но до сих пор в ответе Саблин за наши школьные дела. И правда никому не интересна. Ответ имеем, и в мыслях все сошлось. Вот так творится и в стране. Я позже начал замечать.

1991 год

В стране накопились страсти. Снова дурдом, как в 17 году.

– Опять неправильно живем? Когда же все будут довольны властью?

Родители суетятся. На сберкнижке 10 000 рублей.

Стиральная машина стоила 70 рублей. Через месяц стиральная машина уже стоила 2400 рублей. Инфляция. Три ноля зачеркнули. На книжке осталось 10 рублей.

Путч был в августе. Пролилась кровь. Кто-то ответит за все, но это будет не тот, кто нужен. Потом будет бесконечно массовый грабеж. Всем плевать на совхоз, на страну. Каждый под себя грести начал. Стало появляться много новых людей. Взгляды разделились, и люди начали видеть в себе новых русских, крутых ребят. Появились лохи, черти, бесы.

В Надеждинском хозяйство пошло в упадок. Зарплату уже никто не получает. Есть что-то надо. Крестьянин начал сдуру тащить еще пуше прежнего. В будущее никто не смотрел, только в бутылку. Все покатилося кувырком. Люди спивались, дети страдали. С этого времени началось понятие: «честных людей нет» или «в это время честными могут быть только лохи».

Мне уже второй раз подряд снится один и тот же сон. Будто бы я нахожусь в каком-то городе, посреди улицы, за штурвалом авиалайнера с пассажирами на борту. Я капитан. Нам надо взлетать. Набираю скорость. Впереди сопка. Поворот направо. Сопка мешает.

Проснулся.

– Вот блин! Снова не взлетел.

Я с друзьями играю на колхозных сеновалах в прятки. Печкин водит.

Я хотел подшутить над ним. Залез на самый верх стога. Высота 10 метров. Смотрю.

Сергей движется, весь в поисках. Меня он не видит и тот тюк, что в моих руках массой 15—20 килограмм. Я кидаю его вниз с расчетом на то, что он упадет перед Сергеем в нескольких сантиметрах. В моих расчетах отсутствовал элемент – заторможенность. Тюк летел очень долго и упал Серому прямо на голову. Серый упал и весь дрыгается. Мне стало смешно. Я подумал, что он притворяется. Смех прекратился, когда я понял, что он умирает. Я испугался. Быстро спустился к нему. Положил его правильно, чтобы не дергался.

– Что же я натворил? Серега! Прости! Я хотел пошутить!

Через два часа Серега простил, и мы с горем пополам к вечеру добрались до дому. Больше я так не шутил.

1991 год

В школе я получил по голове от ровесника. Струсил и убежал домой. Даже портфель забыл. После занялся спортом и положил парня на лопатки. Никулин Павел стал моим другом.

Родители купили мне щенка породы боксер. Мы назвали его Мейсен Кепфал. Он рос, я играл с ним в прятки. После школы я ходил в лес бить самодельную грушу. Отжимался в упоре лежа 100 раз. Подтягивался 17 раз. Бегал. В лесу я отдыхал. С псом на природе не было скучно.

Еще один сон повторяется.

Я енот. Рою на сопке себе хату. На что-то наткнулся. Не могу понять.

– Что это такое?

Тот же сон повторился. Теперь я в человеческом облике копаюсь там же. Я понимаю, что ищу клад. Но не могу понять, где именно.

– Где это?

Я несколько раз возвращался к этому кладу. Нашел очень много сокровищ, но выбраться из ямы пока не могу.

1992 год

Отец купил Тойоту Короллу. Ездит на ней по всему ЕАО, развозит на свои подпольные точки китайскую водку.

1993 год

Я в седьмом классе.

(Извините меня за мое часто повторяющееся «я», но это невозможно не подчеркнуть многократно. И без этого не обойтись. Снова это «я».)

Я отлично понимаю химию, физику, математику. Мне это очень нравится. Моя новая учительница по этим предметам объясняет вполне понятно. Она не может создать дисциплину в классе. Я не могу сконцентрироваться на поставленной задаче, когда вокруг царит хаос. На ее уроках можно было ходить в прямом смысле на голове. Мы даже курили сигареты, пока она мыслила о паровом двигателе. Хотя каждый понимал, что нужна дисциплина и цель, но смотрели друг на друга и делали, как все. Это же нам нужно образование. Учитель так и говорила. Понимание пропало.

С большим раздражением дается русский язык, литература. Ненавижу историю.

О истории всегда говорят: «Хватит! Надоело. Достаточно изучать того, что в данный момент происходит». Имеется в виду, что все повторяется. Так зачем же тогда еще учить что-то? История она, как есть, ее не изменишь. А чтобы косяков не было, лучше все забыть и начать все заново. Так мне было гораздо проще мыслить в то время. Тебе надо, ты и учи историю. Я знаю одно: у кого денег больше, тот и вершит ее. И ни о какой там истории в этот момент человек не думает. И почти никто на своих и уж, тем более, на чужих ошибках не учится. Хоть и засела эта мысль в моей голове, но все же то, что нужно думать еще и так, как думает большинство, или хотя бы создать такую видимость. Мне приходилось держаться на твердую тройку, плюс тянуть за собой своего старшего брата, который успел еще в первом классе остаться на второй год, и нашего общего друга Пинчака Сергея. Сам бы, если бы я думал только за себя, остался б, наверное, тоже. Я успевал сделать, порой, за урок два варианта на тройки. Учитель после сделал три варианта, и все три тоже были по тройке. Четверка же меня не интересовала. Но такие предметы как литература, показывала всю реальность. Домашнее задание мы никогда не делали, и поэтому урок ЛИТЕРАТУРЫ нам особо не нравился. Я с братом в журнале записаны последними. Я-то мог выучить за урок стих, а вот они — нет. На литературе я обычно рисовал, писал портреты одноклассников. Некоторые себя узнавали. На географии лепил из пластилина скульптуры.

За один учебный день я успел избить двух учеников. На другой день еще одного. На третий день они меня побили вчетвером.

(Драки происходили не по нашей воле. Девятиклассники выбрасывали нас в круг. Тотализатор. Бои без правил).

– Не понял? А Гашников-то тут причем?

Во всех эпизодах я был прав. Может быть, мне так казалось. Слабых я не трогал, хотя был один случай, когда пришлось драться с девчонкой. Девчоночка, держись. Немало она парней побила. И я на нее нарвался. Она дралась не хуже пацана. Пришлось Светку нахлобучить.

Мама купила колхозную корову. Давала корова три литра молока. Съедала за неделю два рулона сена. Навоза давала, как в целом весь колхоз. В колхозе скотина высохла, как в страшных кадрах из цикла: «Архив 40-вых. Лагеря смерти». Корову мы назвали Зорькой. Она поправилась довольно быстро. Она кушала днем и ночью. Ее челюсти не останавливались. Получился ненасытный, вонючий и очень довольный мячик. Она была счастливой и спокойной, даже когда ее резали.

Всякий раз, когда видишь убийство скота, переживаешь, как потерю не животного, а личное предательство по отношению к твари. Коровы, когда видят убийство сородичей, бесятся. Быки рвут землю из-под копыт, мычат. А некоторая скотина даже плачет и трясет головой.

Смысл – Суть. Она повторяется. Как всякий Смысл, который мы вспоминаем. Все гораздо серьезней, чем ты себе это представляешь, если ты думаешь:

- А если?
- А если оно не взлетит?
- Надо делать.
- А это откуда?
- Кто это придумал?
- А ты о чем подумал?
- Ха-ха—ха-ха.
- О-п-с.
- Чух-чух-чух.
- Поехали дальше.
- Это волна придумана?
- Мной?
- Ошибки пишутся не зря.
- И я пишу вам тоже не за ...?
- Просто так?
- Чтобы задать вопрос?
- И не услышать даже эхо.

Проснись. На дворе 21 век. Тебе что, мало шизы. Мы все там были. Мазу тащим за каждого. Все поровну. Мы все за одно. Надо успеть. Контакт будет по первым числам месяца в Москве. Так специально придумали. Не надо дергаться. Мы можем жить вечно. Но это очень серьезно. Шутить тоже надо правильно. Правду нельзя забывать. Надо двигаться дальше. И после смерти ты не умрешь. Мы шли к равновенскому порядку целую вечность. До самого предела. Смерти нельзя бояться. Ее нет. Мы ее победили. Надо жить правильно. Есть только рай. Ад – это мы сами придумали.

– Все! Все! Брат! Мы все поняли. Мы выходим.

– Отлично! Отлично! Мы слышим друг друга. Мы рады вас видеть. Мы сделаем это без единого выстрела. Все нормально. Никого нельзя убивать. Нельзя ставить точку, не закончив предложение.

Все будет здорово. У нас все получилось. Книгу всегда можно продолжить. Жизнь бесконечна. Верь.

Вы после поймете, что это значит.

Летние каникулы. На рыбалку редко выходил. На ночной малой речке Бира быстро поймал трех не хилых сомов и довольный пошел спать. Надо было ловить дальше, но я не рыбак.

Мои друзья и знакомые ходят на дискотеку. Выпивают вино, курят. Кто-то уже попробовал гычи. Все, типа, взрослые, крутые. Кто-то кому-то морду разбил. Даже кто-то кого-то опустил.

Я сижу дома, пока занимаюсь спортом.

Колхоз в деревне очень быстро уменьшался. Мы с малого детства посещали бараки со скотом, где на сей момент, по сравнению с прошлым, замечены значительно выраженные отклонения от нормы закармлики и простейшего гуманного отношения к животным. Тащили в разные стороны все и вся не только ночью, но и днем.

Отец заключил с одной частной алкогольной фирмой договор о продаже их заводской продукции вин. Партия вина, 50 ящиков, в деревне расходилась за неделю. Отец пропихнул около 500 ящиков разной марки, плюс около вагона подпольной китайской водки. Отец загулял. В эту ночь его снова не было дома.

Утром разбитую машину притянули знакомые с села Дубовое. Отец в больницу попал. На него напали. Если бы не авария, он, может быть, погиб бы. Окрепнув, отец подтянул братву с города Биробиджана и с их помощью решил вопрос. Сошлись на некоторой сумме. Калечить отец никого не стремился. Что с них спросишь?

Через две недели родители купили точно такой же автомобиль с небольшой разницей. Пришлось продать «Запорожец», трактор Т-40, прицеп к «Запорожцу». Зато машина стала не бензиновая, а дизельная «ТОЙОТА КОРОЛЛА». Это значит, что топливо практически бесплатное, если есть, конечно же, с собой магарыч.

Всему виною перестройка.
Всем затуманила мозги.
Мы незаметно растаскали
Барыгам весь колхоз.

1994 год

Весна. Ледоход на реке Бира. Нас четверо у костра с закуской и полулитрами китайской пшеничной водки 50% спирта. Тогда мы все впервые напились до пьяна. Чтобы последовало неадекватное действие, нам хватило одного стакана водки на всех. Большая льдина проходила рядом с берегом. Все запрыгнули на нее. Она от нашей массы и направленного толчка стала быстро по инерции двигаться от берега. Двое испугались и спрыгнули обратно на берег. Они это сделали одновременно, тем самым ускорили процесс хода льдины по направлению от берега к центру реки на быстрое течение. Я с Ромео не успел спрыгнуть. Да и вообще мысли такой не было. Отдаляясь дальше от берега, казалось все так захватывающе. Эмоции в таких условиях намного ярче. Адреналин, экстрим. Это прикольно. Наш айсберг, пароход, плот, катер. В общем, наша глыба села на мель. Ромик прокусил себе палец. Наш Крейсер двинулся дальше. Километра через два нас причалило к берегу. А в это время парни, стоящие на берегу, придумали свой способ перемещения. Ничего же страшного не случилось. Они нашли где-то палку. Запрыгнули на большую льдину, которая уже села на мель, и стали отталкиваться шестом. Дотолкались они до самой середины реки, но их плот так и не поплыл. Парни попали в ловушку. Скоро стемнеет. Надо было быстро принимать меры к спасению, или пацаны там уже просто замерзают. Стуча зубами, хлопцы стали раздеваться. Их мыслью было: быстро доплыть против течения на льдину напротив. Расстояние между ними такое, что все же в последний момент пришли к тому, что парням — абзац. К утру холодные будут, если не найти лодку. Какая там лодка может быть в такое время года? Тупик разрешился так. Когда мы проплывали с Ромкой на льдине, на берегу стоял дед, кричал нам, кулаком махал.

Дед сильно плевался, но лодку достал.

Осень.

Вечером ко мне пришли два моих кореша. Попросили меня составить им компанию, помочь пригнать деревенскую скотину с отдаленных полей.

Подойдя ближе к скоту, мы заметили недалеко в овраге трактор с прицепом. Он был заглушен. Мы думали, что хозяин ушел на охоту. У всех появилась здравая идея: завести трактор и объездить на нем всю вселенную. Эта мысль также быстро оборвалась, когда один из тех парней не досчитался одной из своих коров, плюс перепуганный мужик выскочил к нам откуда-то из кустов, весь обмазанный кровью. Мужик дрожал. Его дрожь стала передаваться нам. Он говорил, оправдываясь, но потом сказал, что не может найти свою скотину.

– Не видали ли вы еще где-нибудь черно-пеструю корову и белого бычка с ней года на полтора, глаза карие, с клеймом на шее в виде кольца?

– Скотины мы не видали. Нас интересует, чей это трактор?

– Понятия не имею. Я тут ходил, ходил, думал, найду того, кто на нем приехал. Может, он что-то видел, а?

– Может, надо подойти к трактору, раз он не Ваш, да посигналить?

В такой тупости все двинулись к трактору. Мы шли и шептались.

– Ты видел? Он в крови.

– Он не один. Нас может на мушке держат. Не надо подавать вида, что мы думаем о нем подозрительно.

Пройдя дальше в кусты, мы наткнулись на разделанную тушу коровы. Рядом были кое-какие вещи: куртка, вода, огромный нож, таз с потрохами скота.

– Я знаю, чья это куртка! – Весело крикнул Паша. – Эта куртка Димы Губошлепа. Он постоянно в такой ходит по кустам.

– Точно! – Поддержал его я. – Точно такой же нож я видел у него позавчера, когда он пробирался мимо с кропаем ручника.

– Послушайте. Так он же, может, сейчас в кустах сидит и целится в нас. Надо скорей бежать отсюда.

Мужик ни с кем не спорил. Он согласился с нами, что нужно побыстрее уходить, иначе будет поздно. Убегая оттуда, гоня скотину, петляя. Если бы стрелял, то промазал бы.

За год до этого в селе Наифельд была убита женщина. Она была свидетелем точно такого же сюжета, только преступниками были сами сотрудники милиции. Двоих оборотней посадили в тюрьму. Нашего же мужика посадили на три года. Он разделал в тот день двоих коров. Тупость его была настолько расслабленной, что он даже не стал отгонять остальную скотину, не привлекая внимания на этот злополучный для него трактор. Некоторое время в деревне скотина перестала исчезать. Только у нас в год пропадало по быку. Мужик в тюрьме очень ослаб, приболел. Освободившись, он не долго прожил и, перегревшись в бане, погиб от кровоизлияния в головной мозг. Говорят, что у него был менингит. Этого мужика мы бы не сдали в милицию. Просто одна из тушей была родителей нашего друга. Те не стали прощать его и отправили на суд людской.

Я больше не могу тянуть брата и друга Сергея на контрольных работах в школе. Они остались на второй год. Учителя и вовсе решили от них избавиться – выгнали их из школы. Парни уехали учиться в город, поступили в училище №38 на плотников.

1995 год. Январь

Переехал к нам навсегда мой дед с Украины. Бабушка умерла.

Пропал мой пес Мейсен. Его увел сосед Вова на комплекс и съел вместе с друзьями.

Я просил отца набить ему рожу. Батя не стал связываться.

– Доказательств нет.

Вместо этого по роже получил я от Димы, младшего брата Вовы. Дима своей бестолковой сильно рассек мою бровь. Если бы я тогда мог защититься... Но парень старше меня лет на восемь.

Поставил из снега памятник Мейсену. Нигде не придерешься.

– Правда на нашей стороне. Я отомщу за тебя, мой маленький и верный друг.

– Ну, ты талант! Так ты же скульптор.

– Какой там скульптор. Я просто памятник поставил псу.

Я приехал в город Биробиджан на подготовительные курсы для поступления в промышленно-гуманитарный колледж. Я впервые в этом районе у техникума.

– Удивительно. Это место мне часто снилось. Вот эти дома. Длинная улица. Сопка и вон поворот направо. Я не мог взлететь. Вот это да! Пророк была права. Сны действительно начинают сбываться. Это было весной.

Лето. Надеждинское. Я с друзьями играем в волейбол в спортзале. Еще одно совпадение. Мне случайно рассек бровь уже другой Димон. Суть не в этом. К нам присоединился один мужик по имени Владимир – отец той девочки, в которую я был когда-то влюблен. Он был пьян и мешал нам играть. Все хотел объяснить неинтересную для нас игру. Он брал в руки мяч и очень долго объяснял. Кто-то выбил мячик из его рук. Он стал бегать за ним. Все смеялись. Получилась игра в собачку. Мы кидали мяч друг другу. Это продолжалось довольно-таки долго, пока он, немного отрезвев, понял, в чем прикол. Рассердившись, он покинул нас. Затем ушли мой брат с сестренкой Кристиной. Через пару минут они вернулись. У брата из носа текла кровь. Этот дурачок Владимир подкараулил их, выскочил из кустов и напал на брата. Брат даже не играл в мяч и над ним не смеялся. Дядю Вову мы поймали на дороге. Бить не стали. Он выглядел пьянее, чем до этого. Отец моей первой подруги.

– Ладно. Простим ему этот глюк.

Мои друзья украли аудио аппаратуру у одного человека. Тот узнал, кто это сделал. Воришки вернули все, кроме аудио кассет.

Я иду по улице с одним из этих неудачных воришек в спортзал. Нам попался этот потерпевший. Он стал понижать моего друга. Хватал его за голову и опускал вниз.

– Братан! Гаси его!

Серый его оттолкнул. Я ударил Колю потерпевшего ногой раза три по почкам. Коля бросил Сергея и побежал вдоль забора. Братан догнал его и по ходу отправил его в не стоячее положение. На корочках Коля проник в первый же двор, ища там убежище. Он сперва бежал в одну сторону двора, падал, вставал и бежал обратно. Пробегая мимо нас, понимая, что за ним никто не гонится, остановился. Он посмотрел только в одну сторону. Раскумаренный Сергей настиг своего терпилу в момент его недопонимания. Колян пал под натиском бешеного форта. Тогда я впервые отправил человека ударом ноги по затылку в бессознательное состояние.

Я сдал экзамены и поступил в колледж. В первые же дни у меня появились проблемы в общении с местными городскими ребятами. Я не понимал многих слов, особенно ругатель-

ских. Чуть не дошло дело до драки. Городские поняли, что в этом смысле я глуп. Деревенских называли «кресты». Так как у меня в городе живет дед, то я в какой-то мере считался местным. У городских же все наоборот: их деды и бабушки в деревне, и уже городской не считается там чужим.

Из 35 человек я был один из трех самых маленьких учеников. В каждом классе найдутся люди, которые учтут свои преимущества в росте и, на первый взгляд, силе. Ко мне начали цепляться парни на голову выше ростом, прошупывая во мне, может быть, на будущее боксерскую грушу. Парни из других групп и курсов окружали вокруг, около 15 человек, и, как в зоопарке, расспрашивали меня, кто я по жизни, чем занимаюсь, есть ли у меня свой подвал. Конечно, я тормозил:

– Какой подвал?

Каждый пытался показать свое превосходство. Я уверен, любой из них, если бы попал к нам в деревню один, он бы свое преимущество спрятал бы подальше. У нас в деревне все просто. Если кто с кем поспорит, то спорят они один на один. Тут же толпа обезьян. Я не знал, как мне поступить. Их очень много. По сути, нагрубил все. И как мне теперь их всех избить? Я был в шоке. С любым бы справился, но эти собаки вокруг, и каждый старается укунить.

– Полагаю, ребята решили, что я как раз тот парень, над которым можно посмеяться. Не думал, что я могу оказаться когда-нибудь в таком положении.

По математике, физике, химии получаю пятерки.

Урок ИСТОРИИ.

Балаш передает мне конверт со словами: «Передай дальше». В конверте, я понял, шелуха от семечек. Это игра. Конверт должен переходить от одного к другому до тех пор, пока не прозвонит звонок. Тот, у кого в этот момент будет в руках завертыш, и отнесет его в мусорный ящик. По пути можно забросить еще мусор. С теми же словами я перекинул конверт на заднюю парту. Он прилетел обратно. Я его снова туда. Но он опять вернулся. Я туда – а он обратно. На этот раз он попал моему приятелю по парте прямо на голову. Тогда я взял этот проклятый конверт и сунул этому упрямому пацану ему за шиворот. Он, было, дело задумал, но я отсекаю эту мысль и закрепил ее ударом кулака в глаз. Парень по фамилии Шестера. Он тоже из деревни. Шестера присел. В этот момент должен был один из учеников отвечать на поставленный исторический вопрос. Учительница посадила на место того и спросила ответ с меня. Конечно же, я вопроса не слышал. Она поставила мне двойку. Я призадумался и тоже присел. После уроков меня ожидал бой с Шестерой. (Сзади, за партой, мог бы сидеть и ты, а не Шестера. Мне неважно, кто это был.)

Сбежался весь техникум. Столько зрителей я еще не видел. Студенты начали ставить ставки, подумали лучше – и на меня ставить не стали.

– Уж больно мал.

– Будем драться до первой крови.

Чтобы не было видно из окон колледжа, мы стояли за гаражами. Я посмотрел на землю и мне она не понравилась. (На уроке я уже думал о том, что этого пацана я руками не побью. Придется много прыгать. Земля должна быть точной). Толкнув гравий ногой, осмотревшись по сторонам, я выбрал центр футбольного поля. Направился туда с указанием.

– Шестера, за мной!

Смеясь, толпа двинулась за нами. Мало кто знал его фамилию. Все приняли меня за борзого. Отступать было некуда. Первым бил я.

– Самое главное — четко попасть ему с первого же раза в пятак. У него сразу пойдет кровь, и тогда я выиграю бой всухую.

Я мысленно представлял его фигуру, и за те несколько уроков моих мыслей хватило для того, чтобы закодировать свои действия. Я бы мог это сделать с закрытыми глазами.

В прыжке ударом ноги я попал ему точно в нос. Я бил его изо всех сил. Этот парень похож на то, что тоже разработал свой план нападения. Его план заключался в конкретно левой обороне. Парень был левшой. Он здорово зарядил мне навстречу в челюсть. Я упал. Хотя я не заметил этого. Что-то память на пару секунд пропала. Стою. Мои зубы на месте. Слышу все кричат:

– Что ты стоишь? Бей его! Быстро! Гаси!

Смотрю Шестера почему-то встает и буквой «Г» шатается. Ну, тут я не растерялся.левой ногой я пнул его голову, как футбольный мяч. Женя упал. Прикинь, он встает. Тогда я кинулся бороться. Я положил его на лопатки. Мне казалось, что если он и после этого встанет, то я уже не знаю, как его избивать. Я колотил его кулаками по лицу. Парень-то уже не трепыхался. Но я остановиться не мог.

– Он убьет его. Разнимай!

– Да! Класс!

– Такого боя я еще не видел!

– Ну, ты, Раф, даешь! Я не думал, что у тебя столько здоровья.

Я сам испугался, что можно сделать так. Что у меня, что у Шестеры все лицо было в крови. Женя смог ударить лишь однажды. На следующий день его не было в колледже. Я сломал ему нос. Весь техникум меня знал. Женин папа сделал глупость, что решил разобраться со мной через учителей.

– Да вы что, Людмила Павловна, смеетесь? Вы посмотрите на него и на меня. Как может такой маленький, как я, избить такого дылду, как он?

Парни из группы стыдили Женю. Я не был зол на Шестеру, так получилось.

– Здорова, Раф. Ну, ты боец! Уже две недели прошло после той драки, а этот парень до сих пор синий.

Меня хотели отчислить, но сделали это после за неуспеваемость. Учитель истории очень хорошо запомнила меня. Она спрашивала меня на каждом уроке.

– Девять двоек подряд. Ни одной троечки. Она специально меня топит. Прекрасная женщина. Нет ничего омерзительней, чем расстрельные глаза учителя. Она не оставляла мне шанса исправиться.

К тому моменту у меня уже появились друзья. Ребята с техникума занимались карате. Парни увидели во мне способности каратиста. (Когда я дрался с Женей, то при каждом ударе я кричал: «Кия!»). Сам я этого не помню). Парни подтянули меня в спортзал. Там были группы старшие, младшие. Тренер – мастер спорта по тхэквондо. Около 35 учеников. Два часа тренировки. После тренировки почти все курили. Спортсмены – это так, для показухи. Типа, мол: «Мы спортсмены!!! И этим все сказано».

Оказывается, в городах люди делятся на сорта. И чем наглее, опаснее и ужаснее сорт, тем он выше. Места, бывает, меняются, это зависит от количества человек. Заметил постоянную борьбу за авторитет между спортсменами и общаговцами порядочными. Еще есть кресты – нейтралитеты, они так просто по фени не ботают, они работают. В низший сорт входят штемплы. Те вообще ничего делать не хотят, они никому не помогают.

До этого, по совету друзей, на вопросы по жизни я отвечал: «Порядочный человек». Тут же нужно было выбирать, в каком кругу вращаться. Я уже ходил с парнями в спортзал «Динамо» и занимался карате. Ко мне подошли порядочные пацаны с четвертого курса. Это мне 15 лет, а им по 19.

– Кто ты по жизни?

– Порядочный человек. В свободное время занимаюсь спортом.

– Обоснуй свою порядочность.

Я не посчитал это нужным.

– Да черт ты по жизни!

– Да сами вы черти!

– Поясни!

– Да пошел ты!

Мне прилетело пару подач в грудь от двоих. Меня поражала эта тупость.

Позвонил звонок. Все разбежались по кабинетам.

– Ты попал, Раф. Это крутые ребята. Они общаковцы. Назвать их чертями это было очень глупо с твоей стороны. Тебя обязательно поломают.

– А вы, что не поможете мне? Вы же видели, какие они здоровые!

– Видишь, Рафаэль, ты из деревни. Тебе надо вести себя тихо и не высовываться. За них встрянет полгорода, а тебя никто не знает.

– Я один. Их много. С ними я не справлюсь. За меня никто не вступится.

Такой исход меня не устраивал. Я тут же на перемене уехал в город к знакомым парням, которые когда-то учились там же. Я думал они мне помогут. Вернулся один, пришел в Механку одетый в спортивный костюм. Я думал, будь что будет. Но в техникуме, стоя за дверью нашего кабинета, трусость взяла свое. Здоровье было важнее. Я ушел из техникума и вернулся туда через неделю за документами.

Я стоял на крыльце, окидывая взглядом все вокруг, прощаясь с образованием.

Понял! Мой сон. Я снова не взлетел. Эта была ошибка, на которую я обратил внимание, но слишком поздно понял ее смысл.

1996 год. Лето. Август

Пора грибов.

С друзьями на поле встретили одинокий комбайн. Нашлась идея завести его и покосить рожь. Запустить двигатель не срослось. Зато под сиденьем обнаружили прибор для закачки солидола в те места, куда это необходимо сделать. Поэкспериментировали с ним и немного запачкали машину маслом. Пошли домой. Навстречу нам попался хозяин комбайна. Прятаться не стали. Мы ничего ужасного не сотворили.

Украл мотоцикл. Катались на нем целый месяц. После нас таскала милиция. Доказывать шибко-то они не настаивали. Мотоцикл мы прятали в лесу. Его кто-то нашел. Тогда мы украл другой. У нас была своя техника – сборная СССР, до ума ее довести не получилось.

Метр едешь — два толкаешь. С украденного все перекинули на свой мотоцикл «Восход-3М». Заводился с пол-оборота. Имелся шифр для набивания номера на двигатель. Сергей медлил.

Мне снится сон. Будто пришел хозяин краденого мотоцикла к Сергею во двор в то время, когда мы его чиним и говорит.

– Здорово, пацаны. Что, цепь порвали? Ну вы, блин, даете! Так это же мой мотоцикл, парни!

Я проснулся. Быстро с братом примчался к Сереге.

– Слышь, Серый. Давай быстрее шифр. Надо набить номер. Он скоро приедет. Нам надо успеть.

Я рассказал Сергею свой сон. Он долго не хотел верить. Я заставил его дать мне шифр и сам набил номер с документов, которые у нас были на краденый двигатель. Теперь мотоцикл у нас вполне легальный. Как только я набил номер, подъехал мотоцикл с коляской. Это был тот хозяин с соседом. У парней глаза на лоб полезли, когда он произнес слова.

– Здорово, пацаны. Что, цепь порвали?

Подойдя ближе, присев вплотную к двигателю, осмотрев его внимательно и пощупав, мужик продолжил:

– Ну вы, блин, даете! Так это же мой мотоцикл, парни! Вот этот стартер я лично своими руками сделал. Согласен. Блок не мой. Наверное, половинку поменяли. Давайте договоримся с вами так. Значит, сейчас вскрываете цилиндр. Если там на поршне будет стоять моя метка, я бью вам рожи, и к вечеру мотоцикл должен стоять там, где взяли и в том же виде. Если это не так, то вы все по роже ударите мне. Идет?

Конечно же, это уже было невозможно. Многие детали уже были просто уничтожены.

– С чего Вы взяли, что он ваш? То, что стартер такой, это не доказательство.

Ответил ему Серый, вынося целый тазик стартеров:

– Может быть, и это все твои!

С повышенным тоном Печкин выдвинул свою гипотезу:

– Поищи лучше, может быть, найдешь? Мы этот мотоцикл замучились собирать и разбирать его тебе не будем. Пошел вон с моего двора!

– Ну ладно, пацаны. Я подъеду позже. Держитесь за жопы.

Позднее своего он не добился. Получилось так, что мы наглým образом отняли мотоцикл у такого классного мужика. Он купил «Минский». Шугал нас по пьяне.

– Вы меня на колени поставили. Я вас урою!

Он нас никогда не бил. Если б бил, то убил бы. Разок Серегу пнул. Жути наплескал так, что интерес о езде на краденном мотоцикле исчез на вечные годы. Я этого мужика не знал. Да и вообще, украл мотоцикл мы случайно у него. В планах в ту ночь намечен был другой аппа-

рат. Хотя какая разница? Поступок нехороший. Нас было семеро. Мотоцикл забрала милиция. Можно было бы убежать, но из-за тупой экономии бензина это не получилось. Подвела привычка Сергея закрывать кранчик.

Мои родители рассчитались с «Западных Электрических Сетей». Продали часть акций компании. И как они всю жизнь мечтали, купили японский микроавтобус, видеокамеру, и всей семьей мы отправились во Владивосток отдыхать на море. Впервые я увидел море. Все были очень рады. Мы были на дискотеках, в барах, ресторанах. Собирали по пляжу ракушки, ловили маленьких раков. Меня ужалила медуза. И вообще все было прекрасно, хотя и всю неделю стояла пасмурная погода. Время пролетело быстро. Уезжать не хотелось. На обратном пути отец купил нам мокик, чтобы мы не воровали.

Осенью я поступил в училище №38 на профессию газосварщик. Живу на квартире у деда Нашира с братом и другом Никулиным Павлом, которые учились там же на плотников курсом выше.

Ночь. Пацаны спят. У меня бессонница. Я не знаю, как назвать то, что происходило дальше, — глюк или полтергейст. На меня стали постепенно наплывать какие-то волны, волнующие все тело. Так же волнообразно усиливается ужасный звук, напоминающий электрическую дугу. Меня полностью парализовало. Я не могу пошевелиться и что-нибудь сказать. Я ничего не понимаю. Сам я не боюсь, но мое тело изнемогает от страха. Лежу, бльмая веками, и думаю:

– Что бы это значило?

Секунд через 10 все так же плавно ушло туда же, откуда пришло.

Приехав в деревню, я рассказал об этом маме. Она посоветовала мне, если случай повторится, то надо успеть спросить: «К добру или к худу?».

Я уехал в город и на выходные остался в комнате один. Это что-то снова пришло, но в попытках успеть я задал вопрос неправильно: «К злу? Или к худу?»

Протяжный, улетающий мужской голос ответил:

– Да-а-а-а!

Вот тут-то я испугался по-настоящему.

– Что значит «да-а-а-а»? Я же спросил к злу? Или к худу? Ну да-а-а-а, конечно. Я не так спросил, как надо было.

Я понял, что в нашем мире существует невидимая глазу иная жизнь. И то, что кто-то пришел предупредить меня об опасности. К сожалению, контакт длился 3—4 секунды. Наше тело их не воспринимает и борется. У нашего духа тоже есть сила. А это явление, похоже, носит несовместимое временное вмешательство. Или это какая-то моя личная концентрация. Я не знаю, как это можно объяснить. И откуда исходит опасность? Прошло несколько дней. Вечер. Мы пили чай, когда кто-то постучал в дверь.

– Кто там?

– Друг Алика.

– Что надо?

– Алика попросил меня подождать его у вас дома, пока он в магазин сходит.

Мы-то знаем, что моего отца нет в городе и в ближайшее время он не приедет. Незнакомец настойчиво хотел попасть в квартиру. То попить ему дай, то прикурить. Сразу в туалет захотел. Двери мы не открыли. Дед припугнул звонком в милицию, и тот ушел.

14 сентября у Паши день рождения. Мы отметили его самогоном в Надеждинском клубе. Дискотека кончилась. Стоим на перекрестке дорог. Я с Пашей напились до такого состояния, что едва могли передвигаться. Брат должен был нас по очереди доставить домой на мокике.

С темноты к нам приближались два подданных мужика. Один из них был хозяином того испачканного комбайна. Было слышно, о чем они говорили.

– Давай набьем кому-нибудь рожу?

– Кому?

– Да хотя бы вот этим.

– За что?

– Сейчас придумаю.

Подойдя ближе он вспомнил о солидоле. Я понял, что солидол здесь ни при чем. Это лишь повод.

– Что вы мне тут басни строите? Для комбайна солидол, как для нас витамин. Мы же слышали, что вы просто хотите кого-нибудь избить. Что нашел себе ровню? Трус поганый!

Комбайнист ударил меня с такой силой, что я оторвался от земли и рухнул на землю без сознания. Через минуту я поднялся, но он тут же с ходу вырубил меня еще раз. Пацаны не могли ничего сделать. Брат увез меня на одну квартиру. Домой я пьяным идти боялся. На квартире мне стало плохо. Меня вырвало. Брат сперва привез туда Пашу. Тот только вошел и потребовал чаю. Я, в свою очередь, сразу же попросил заварку.

Город. Снова приходил какой-то мужик. Опять хотел попасть в квартиру. Дед прогнал его. Отец мне говорил, что никакого мужика не засылал бы. Дед сказал нам, что это бандиты, которые его уже дважды грабили.

На выходные в деревне все на том же перекрестке снова встретился с комбайнистом. Я подпустил его без всяких лишних мыслей. Думал, поговорим об этом без кулаков. Но он опять испод тишка ударил меня по глазам. Слезы выступили. Я плохо видел его. Пнул его по морде в прыжке, но удар лег касательно. Тогда я выломал от забора штaketину, разбил ее об его спину, и пустил кровь с его дурной башки.

Город. Снова приходило что-то с другого мира. Странно все это. Я заснуть не могу, а парни спят так, что пушкой не разбудишь. Я ничего не спрашивал, просто хотел понять, что это такое. Сперва не могу заснуть. А после нападает ужасная усталость. Оно забирает мою энергию. Солнечное сплетение шевелится. Оно что-то со мной делает. Но что? Кто это? Зачем?

17.10.1997 год

Пятница. 10 утра. В училище заехали мои родители и предупредили нас о том, что в городе они будут находиться до двух часов дня. Если кто из нас успеет к этому времени попасть к деду, то поедет в деревню. Опоздавшие проведут выходные в тоскливой квартире наедине с раздражительным характером моего фронтowego дедушки. Я учусь до четырех часов дня. Мои родители уже отъезжали от квартиры, как в последний момент появились парни. Пацаны уехали домой.

Из училища я пришел в четыре часа ровно. Ужасно болела голова. Дед сидел на кухне. Предложил мне выпить рюмочку водки. Поднеся стакан ко рту, я вдруг подумал: «Пойду проплюсь. Лучшее средство от головной боли – дневной сон».

Поставил стакан на стол и пошел спать.

Проснулся я от сильного грохота, который доносился до меня из прихожей. Подскочив, я выбежал в зал, с которого видна прихожая и входная дверь. Продрав глаза... У двери стоит мой дед с топориком в руках и кричит:

– Сделаете шаг в хату, я тут же вас порубаю на куски!

С обратной стороны сильно били. Я понял, что двери не выдержат такого напора и вылетят.

– Сейчас выбьют. Надо что-то делать.

Оттолкнув деда в сторону, я начал держать эту долбанную дверь. Удары стихли. Запахло смолью.

– Не понял. Что горит? Дыма нет.

(Запах смерти).

– Вот сволочи! Эти бандиты совсем обнаглели. Пошли на штурм. Какой в этом смысл? Денег у нас нет и ценностей тоже нет. Я так им и сказал:

– Ребята, уходите. Сейчас приедут менты. Атас!

– Слышь, парень! Открой по — хорошему! Ты что, не пацан, что ли?

– Я пацан, но не дурак. Дед, звони в милицию. Щемитесь!

Дед скотил понт, бренча телефоном. Реакция бандитов продолжила выбивать двери.

– Дед, звони по-настоящему. Я не смогу их долго держать!

Время было за одиннадцать часов вечера. По телевизору шел детектив «Коломбо». Деду нравился этот сериал. С момента звонка прошло около 10 минут. Обычно милиция быстро приезжает, а тут никак не дожидаться. (Почему обычно? Дед до этого вызывал их несколько раз по пустякам. Ну, прямо, как по сценарию.) Бить стали сильнее и упорней. Моя голова от ударов об двери раскалывалась на части от непередаваемой боли. С замка вылезали гвозди, я их бессмысленно забивал топориком обратно. Я бью тут, они — там. Время идет, милиции нет.

– Да что они телятся, что ли? Звони, дед, еще раз. Поторопи их, у меня уже ноги сводит.

После дед звонил третий раз, но помощь так и не пришла.

– Машины уже давно вышли, – ответ милиции.

– За это время можно было бы пешком прийти!

Прошло примерно 25 минут. Я освоился. Открылось второе дыхание. Уперся ногой крепко в стену, как вдруг услышал стук в окно. Наша квартира на втором этаже. Все это время удары продолжались, и лишь на несколько секунд у банды было на отдых. Мне же отдыхать было некогда.

– Вот гады! Они уже на балконе. Надо же, как нагло действуют. Да сколько же вас там?

– Дед! Найди что-нибудь еще. Да потяжелее.

Дед принес молоток.

– Дай сюда. Вот тебе топорик. Иди к балкону и держи оборону, как на фронте. Давай, дед, вспомним былые времена. (А, может, он не справится?) Стой! Дай топорик. Хотя? Ладно, дед, бери себе топорик. Быстро к балкону! Не дай им прорвать оборону с фланга. Я их здесь задержу. Может, менты успеют?

Дед с моим благословением пропал в зале. Полетели стекла.

– Сынок! Спасай!

Я же знал, что дед не справится. Так зачем же винить его в провале обороны? Как мне разорваться?

– Все! Они уже здесь.

Дверь уже держать не имеет смысла. За дверь угрожали убийством.

Нам конец! Какой здесь смысл? Я заберу с собой хотя бы одного из них. Потом разберемся. Удивительно, в душе я был спокойней самой смерти. Смерился с этой мыслью и пошел ва-банк.

Бросив двери, я рванул на помощь к деду. По ходу дела, не останавливаясь, расценил обстановку с молоточком в руках. В светлом зале, у балкона, бандит пытается повалить деда на пол.

Надо быстро двигаться. Только бы успеть. Дверь выдержит пару ударов. Этот пока один. Надо вернуться дважды. Бью с одного удара — и назад к двери! Я появился мгновенно, бандит этого не ожидал. Я думал настолько быстро, что казалось, что все происходит очень медленно, что давало возможность по ходу обдумывать несколько вариантов плана выжить.

Подбежав, схватил деда за шиворот, я откинул его на безопасное расстояние позади себя.

– А ну, сынок, ударь его по-каратистки!

Я что было сил ударил наотмах молотком преступнику по затылку.

– Как так? Он же должен был сразу же вырубиться? План может провалиться. Надо еще быстрее.

Дверь бьют.

– Я еще могу успеть. А? Там их много.

Таким образом, я успел нанести ему около шести мощнейших ударов по голове молотком, после чего почувствовал сильную боль в солнечном сплетении. Мгновенно ощутив левой рукой, понял: «Это пистолет!»

Выбросил молоток. Принялся отнимать пистолет обеими руками.

Его штормит. Сейчас я заберу у него пистолет, вернусь с ним к двери и тогда посмотрим, кто кого.

Что было сил я швырял в стороны налетчика, но он вцепился в пистолет мертвой хваткой. Борьба была за направление в друг друга дула пистолета. Пистолет двигался, казалось, около часа в направлении его живота.

Я направил его: «Что за черт? Предохранитель!»

Пистолет плавно и еще медленнее стал поворачивать на меня.

– Надо сунуть палец в дуло и, когда он выстрелит... Хрен с ним, с пальцем. Произойдет обратный выстрел — и ему кранты. А если...? Ну, тогда у меня не будет не только пальца, но и всего остального.

Как мне не хотелось умирать, так ничего не поняв. Что это было? Я поник в уверенности выжить. Более того, я хотел отпустить руки и спокойно сосредоточиться, хотя бы так, без суеты, если другого выхода нет. Но, как только я принял такое решение, времени уже не было. Пистолет направлен мне в сплетение крови. Время остановилось. Кто-то кричит мне в уши:

– Не вздумай! Держись! Есть еще шанс!

Тот голос, что предупреждал меня, когда я спросил, к добру или к худу, и он ответил тогда...

– Даааа.

Этот голос крикнул сейчас мне в уши.

– А-А-А? Кто? Нет времени еще об этом думать. Кто бы это ни был, он прав. Действительно. Что это я так легко сдаюсь? Я же еще живой, а если умру, то зачем же так просто?

Подумав об этом, я резко прыгнул в воздух и всем своим весом быстро направил пистолет на противника, вперед высунув левый мизинец из дула. План был таков, что он в этот момент выстрелит. Это то именно время, когда надо сделать паузу так, как человек должен сперва снять предохранитель и затем выстрелить. И я выдержал эту паузу.

Прозвучал выстрел.

– Он попал в меня. Я не смог. Я через пять секунд умру. Надо все равно успеть забрать его с собой. Умирая, я навалился с такой силой на врага, что уже спастись приходилось ему. Я стукнул его правой рукой в глаз.левой же рукой я держал его пистолет и обе руки в направлении выстрела именно в него. Я не знаю, откуда у меня взялась бешеная сила и скорость. А главное – четкое сосредоточенность и внимание, что творится вокруг.

– Что делать? Все повторяется. Я вспомнил. Надо сделать, как в том фильме. Там точно такой же сюжет был. Мне надо найти молоток.

Молоток лежал рядом. Как в том же фильме. Молоток на диване, и я два миллиметра до него не дотягиваюсь, как чувствую, что даже если я до него дотянусь, он мне уже не понадобится. Бандит поднапрягся. Я вернулся к нему с правым хуком – и обратно к молотку. Все это время левой рукой я могу управлять его обоими. Это все очень быстро. Я дотянулся и еще проделал ему два оглушительных удара уже молотком по голове. Вот тут все начало иметь другой поворот событий. Я бросил молоток перед его ногами. Он уже стоял, шатаясь, но все же так же плотно держал пистолет. Бандит проигрывал бой. Я заметил, что он тоже отвлекся. Он потянулся к молотку. Я ударил его коленом в лицо и синхронно догнал правой рукой добавочно по шее. Но он все равно прогнулся и взял молоточек в свои руки. Теперь у него не только пистолет, но и мое оружие. Он просто снизу вверх, справа налево развернулся на месте. Мы расцепились. Он ударил правой рукой с молотком по моей голове. Я отскочил. Он выпрямился и направил на меня пистолет, чтобы застрелить. (Какое чудо эта жизнь! Казалось бы, причем тут еноты? Я очень много раз сталкивался с енотами, и я понял, что у них есть, что-то от человека. Или, наоборот, в нас есть что-то от них. Я подумал: «Закосмачу-ка я под енота. Вдруг это сработает. Может, все-таки милиция успеет хотя бы сейчас». Я упал замертво. Я падал, как бревно, чтобы не вызвать у нападавшего подозрений на то, что моя голова такая же крепкая, как и его. Он-то, как и я, наверняка, думает, что добил меня. А у меня горячая смерть. Я покойник, и сомнений быть не может. Это трудно сыграть, если думать о боли. Боль я не чувствовал вообще.

Меня можно было бы пилить, и я бы этого не заметил бы.

Я лежу. Не двигаюсь. Мне пришлось расслабиться и не дышать. Даже пришлось успокоить биение своего сердца, чтобы не выдать сути. Вы представляете, что такое задержать дыхание после такой суety?

– Здесь где-то... В солнечное сплетение... Он меня застрелил? Не понял. Как он промазал? Он не мог промазать? Стрелял же в упор. Я все же успел?

Преступник поверил в мою смерть. Это чудо. Я не дышал и был спокоен. Я не задыхался. С распахнутого балкона на меня ложился холодный приникающий ветер. Я не дернулся и мурашкам сказал тоже.

Бандит кинулся на деда. Все это время дед стоял как вкопанный. У него перехватило дыхание, он в оцепенении молчал и смотрел. Он не мог защититься.

С первого же удара дед вырубился. Но тот в агонии добил его еще двумя ударами точно в лоб. Я жду подходящего момента броситься вновь. Двери почему-то не били. Но тут... – Бах! – Двери вылетели, и в квартиру забежало 20 человек ОМОНа. Все с оружием в бронежилетах.

– Зачем стрелял?

– Да вон, пацана хлопнул. – Тот посмотрел на меня и продолжил.

– Да ладно. Не переживай так. Я бы на твоём месте так же поступил бы. – Я вскипел. Пора бы мне воскреснуть. – Я открыл глаза.

– Вот сучара! Он живой! – Меня швырнули на диван, и на моих руках защелкнулись наручники.

Мужики, как и этот, огромные. Я думал, это за ним. – Как оказалось, это они все с ним же заодно. Понятно, почему милиция не едет. Это потому, что бандиты – переодетые милиционеры, якобы. Но тут я совсем не понимаю. Бегают они, как бешеные, по квартире, трясут меня по очереди за шкуру. Все в клочья. И такого тупого вопроса я вообще не слышал:

– Сука! Где третий!? Говори, а то убью! – Тем временем двое затаскивают моего деда за ноги в комнату, чтобы не видели соседи. Кровавая дорожка. За руки, за ноги подняли и швырнули на койку, как драного пса.

Смотрю на них. Понять ничего не могу.

– Ребята вы ошиблись. Это не та квартира. Мы ничего плохого не сделали. У нас ничего нет. Мы простые люди. Зачем деда убили?

А они свое.

– Где третий?! – Подбегает кровавый бандит ко мне, с разгону заехал в глаз.

– Ты не думай, чмо, что я бы с тобой не справился бы, если бы не твой молоток.

Все сумасшедшие. Злые. Галдели, а тут что-то замолкли. Все расступились, в квартиру зашел мужчина лет сорока в длинном зеленом плаще. Было ясно, что он самый главный, так как все зверье сразу затихло. Побитый бандит (в звании сержант шестого убойного отдела) стал перед зеленым плащом распинаться, врать ему как можно только. (Якобы, дед его спокойно впустил через балкон, потому что я нажрался водки и избивал его молотком. Якобы, у меня поехала крыша. Что я спрятался за балконной дверью. Да его вранье было очевидным. Прячется – то тут негде). Капельки крови текли по бандитскому носу и падали на пол. Я улыбнулся.

– Этот зеленый плащ – власть. Тот ему врет. Значит плащ справедливый. Наш человек. Ему можно рассказать правду.

В этот момент в квартиру забежала соседка по подъезду с пятого этажа. (Я как-то до этого лет пять назад дружил с ее сыном).

– Ты плохой, Рафаэль! Так тебе и надо! Как так вообще можно? Так изуродовать молодого парня молотком? Ты бешеный, Рафаэль!

Дед воскрес. Я обрадовался. Его голова оказалась тоже крепкой.

– Вы что тут с ума все посходили или что тут творится? О чем вы говорите? Я же всего на два года старше вашего сына. Это могло случиться и с ним. Вы же мать!

– Мой сын не такой. Он хороший, ты плохой! Ты бандит!

– Вы сумасшедшая! Пошли все вон с моего дома! Кто вам разрешил врывать в квартиру посреди ночи?! Вы ненормальные. В чем дело? Кто вы такие? Вы не имеете право на это! – Зеленый плащ тихо наклонился ко мне. Взял меня аккуратно, но прочно за глотку и сказал:

– О каком праве ты, сучонок, заикнулся? Ты скажи спасибо, что до сих пор живой сидишь! – Его глаза были полны ненавистью. Меня это шокировало. Я не мог понять, что с ними случилось. Откуда столько ненависти ко мне и моему деду. Я их вообще не знаю.

– Он отпустил меня. Я оцепенел. Зеленый плащ продолжил:

– За смертельное нападение на сотрудника милиции при исполнении своих прямых обязанностей тебе грозит от восьми до двенадцати лет строгого режима. На твоём месте я бы подумал о будущем, ... хотя Кирилл выйдет из госпиталя и ты вздерёшься. – Мне он все сказал, что мог придумать, перешел к своим шестеркам.

– Все тут прибрать. Этих пока в клоповник. – Он быстро ушел.

От этого разговора я потерял дар речи. То будущее, которое он мне пообещал, меня не устраивало.

– Они все такие. Я все перенесу. Я выдержу любые издевательства, но доберусь до вас однажды. Я буду очень медленно убивать вас, но перед этим дам почувствовать ту же несправедливость, – думал я про себя. Я понял, что с ними бесполезно спорить. Стал вглядываться в их глаза. Запоминать эти мерзкие, ехидные и однообразные морды.

Зашли врачи. В моих глазах появился лучик надежды на справедливость, и независимые свидетели нужны. Но тут же эта надежда пропала. Эти врачи такие же животные, как и остальные. Они смеялись над нами, особенно женщина. Привлекательная. Видно было по поведению, что они все меж собой давно знакомы. Они оказали первую помощь бандиту. У моего деда тоже голова вся в крови, но его никто не замечал. Дед стонал от боли. Мент с врачихой говорили смеясь:

– Похоже, это чмо пьяное. Давай-ка посмотрим. Проверь его. – Медсестра открыла аптечку. Достала оттуда рюмочку. Налила в нее какую-то жидкость. Вылила ее обратно в бутылочку и поднесла ко мне.

– Дыхни в рюмку! – Я понюхал рюмку, она пахла водкой.

– Дыхни в нее. – Я подумал:

– Так надо, наверное. – Дыхнул. Затем понюхала она и сказала:

– Да. Что-то есть. Он пьян. – Затем дала понюхать менту.

– Ох, ни хрена себе! Ты где так нажрался, скотина?

– Она врет! Она вперед в рюмку водку наливала. Вы же сами это видели.

– Это спирт был, а не водка. Сидеть теперь тебе немало.

– Понятно. Вы все здесь за одно. Покажите мне свои документы. Я должен знать каждого беспредельщика пофамильно!

– Какие тебе дать документы? По голове, если только выпросишь. Ты попал, парень. Кирюха тебя в КПЗ задрочит. Ты покойник. Сам в петлю полезешь!

– Ну что? Надо вести их. Тащите их в машину.

– Мне надо одеться. Снимите наручники.

– Какой на хрен одеться. Тебе одежда ни к чему. Сейчас к девкам тебя закинем.

– Собаки! Суки! Твари поганые! Дайте одеться! Сними наручники, иуда!

– Тащите его. Что стоим, я не понял?

– Так нельзя. Надо дать ему одеться. Там холодно.

– Давай тогда по-быстрому. Смотри за ним. – Среди всех козлят нашелся один майор, который было видно, что не совсем козел. Он приказал молодому сержанту присмотреть за мной, пока я одеваюсь. Он снял с меня наручники. У этого сержанта глаза бегали от непонимания. Он чувствовал себя скотиной.

– Ты видишь, что вы наделали? Как можешь ты носить эту форму? Снимай ее и кинь в костер. Не позорь. Беги с мусорной, пока еще человек. Так жить нельзя. – Парень опустил глаза.

– Я не виноват. Я сам уже ничего не понимаю. Как так может? Одевайся быстрее. А то и мне попадет.

– Но если ты человек... тогда дай хоть ты мне свои документы. Ну, назови себя. Чего ты боишься?

– Э, ты меня тут не грузи. Тебе же сказали, что документы мы не показываем в таких случаях.

– А, ты тоже пропал, парень. Вы все пропали.

Обуваясь в прихожей, наручники снова одели.

– С нас побои снимать будут? – Меня не слышат. – Нас повезут в больницу? Я спрашиваю вас, твари, глухие! С нас побои снимать будут?! Нас повезут в больницу?!

– Ты добазаришься. Будет тебе больница. Сейчас все тебе будет.

Мы вышли из подъезда. Во дворе стояли четыре милицейских уазика и одна скорая помощь.

– Понятно. Эти три машины мы сами лично навели на себя. А я-то думал, почему удары не слабеют, а, наоборот, усиливаются?

Проезжая в милицейском уазике мимо морга, офицер-омоновец мне говорил:

– Смотри туда. Таких, как ты, пацан, мы многих перещелкали. Тебе сегодня очень повезло. Второй раз, можно сказать, родился. Могли бы тебя вести не мы, а та медпомощь и не в клоповник. И не надейся. Там тебе лучше не станет. Это только начало.

– Неужели все так плохо? – Думал я про себя, смотря на водилу. Захотелось бить его ногами и в суматохе бежать и бежать.

– Но куда? Город маленький. Некуда бежать. Меня всюду найдут и потом не будет оправдания. Мне можно доказать свою правоту. Улики есть. Пуля. Она должна быть в квартире. И все, что они натворили... улики прочные. Надо только дожить до понедельника. – Звонок домой не разрешили.

В милиции горотдел, на часах было 45 минут первого часа ночи. В дежурной части все скучковались вокруг меня, как в механке смеются, как лошади, и снимают приколы. Были две красивых на внешность женщины, тоже в милицейской форме. Так они были намного ужаснее в своих кровавых фантазиях.

У меня забрали ремень и шнурки. Почему-то они думают, что делают мне этим одолжение. Я не собираюсь вешаться. Они уже все сами придумали. Все лица как один. Глаза. У них так всегда. Под маской прячутся шакалы.

Я стоял молча, и вот-вот, думаю, сейчас... – Вот этого самого главного в дежурке, самого бессовестного... Я умру, но сделаю его. Пусть им станет тошно. – Слезы не текли, комок в горле был такой, что думал лопнет.

В этот момент кто-то вовремя решил, что мне было бы лучше побыть наедине с собой за решеткой.

Клопов пока не было. Поздней набежали. Видел прокурора, который бегал веселый со второго этажа на первый в дежурку, хвастаясь, прыгая чуть ли не до потолка, как будто бы он Джина за бороду взял.

– Есть! Поймал. Теперь он от меня никуда не денется! – Глядя свою козлячую бородку.

По их разговору, что Джин – тот предприниматель, которого он уже два года вылавливает, но мужик по документам чистый. Соблюдает закон. Прокурор-то лучше знает, какой закон поинтересней будет. Сколько денег должно быть у предпринимателя своих, и, конечно же, самое главное – сколько денег из этой суммы его.

Пришли еще люди. Ходили, смотрели, смеялись с меня. Кто-то тоже смеялся, но потом приходил в себя и на мгновение серьезно думал.

– Ты похож на Колю с будущего. С фильма «Гостя из Будущего».

Один парень. Можно сказать, я после понял. В народе говорят – техушник. По-граждански одет оперуполномоченный, спросил меня:

– Откуда ты, чудо?

– С Недеждинского.

– И что у вас там в Недеждинском все так вот с молотком на вооруженного милиционера?

– У нас там все в порядке. И милиции почти нет. И двери на крючке не держим.

– Ты кто по национальности?

– Русский.

– Какой же ты русский? Ты чурка.

– Мой дядя в войну против фашистов бился. Генерал—лейтенантом был. И оборонял Ленинград. После маршалом стал.

– И кто же он?

– Говоров. – Я не стал за себя ему ничего говорить. Но про себя в дальнейшем разобрал вопрос.

– По национальности? Что мне разорваться, что ли? Что имя мое итальянское, фамилия арийская. Родился я в Еврейской области, в Надеждинском селе.

Своего деда генерала Говорова, имя забыл, но брат его Афанасий – отец моей бабушке, а Маршал Говоров – кровный дядя моей бабушки Варвары. Значит, я внучатый племянник. И дед Нашир под Ленинградом тяжелое ранение получил. Если посмотреть по ветке фамилии Файзрахманов, там тоже все в порядке. Мой прадед и прапрадед были Мулла. По ветке Гельман можно сказать, что я немец, так как я, мама, дед и дальше родились блондинами. После восьми лет мой волос постепенно темнел. Бабушка по материнской линии Сергиенко. Дед Виктор говорит, что ему говорил его дед о том, что нельзя копаться в прошлом Гельманов. Правда скрыта. Родимое пятно на бедре в виде ракушки говорит о том, что в крови есть предки чернокожие. Если бы фашисты выиграли бы эту войну, то меня бы зарезали в первую же минуту света в моей жизни. Вся та ненависть к фашизму – крошка, если сравнивать, то ради чего мы выжили в той войне с тем, что в итоге происходит. Все перевернулось в моей голове.

– Война еще не кончилась?

Пока я думал, на часах уже было за два часа ночи. В дежурной осталось только двое. И я тут третий. Они думают, что я их не слышу.

– Я не могу понять. Как Кирилл не увернулся? Ты бы видел, что он с ним сделал. Ужас!

– Может давай хлопнем его при попытке к бегству?

– Как так – просто?

– А что? Вон там, за двор, выведем и отпустим.

– На фиг, это не надо. Кирилл сам потом придумает что-нибудь. Это его проблема. Как деда привезли, я не видел. В три часа меня повезли в психушку на осмотр к врачам на освидетельствование моего состояния. Милиционер прямо так из кожи лез, хотелось ему, чтобы я был выпивший или укуренный. Облом. Его ухмылка слезла с рожи. Я оказался полностью вменяемый. Вот только с врачом был разговор.

Женщина. Сразу видно – добрая, но подневольная. Она не может мне ничем помочь. И все же честно написала. Спасибо ей за это.

– Сестра! Скажите, что со мной? Я ничего не боюсь. Я спокоен. Но мое сердце так сильно стучит, что кажется, что сейчас взорвется. Оно вырывается из груди. У меня такого никогда не было, даже когда я дрался. Это началось сейчас. – Медсестра ответила:

– Это нормально. У тебя до сих пор еще не прошел шок. Слишком много адреналина в крови.

– Вы считаете, что это нормально? А с вами-то... с вами-то все нормально?

Вернулись в клоповник. Там тоже всех ехидн ожидал большой облом.

После разговора со следователем и его якобы справедливого помощника пришли к выводу, что никакой стрельбы и серьезного происшествия не было.

Якобы была небольшая потасовка и обоюдная ссора, драка. Ничего страшного. После добрый следователь отвез меня, деда и одну девушку, приблизительно 20 лет. Она очень устала от этого капкана, в который она попала, которая, как я понял, убила ножом своего мужа в ванной. Он был намного старше ее, хотел изнасиловать.

У деда на лбу насчитали три обоюдных разреза от молотка. У меня был небольшой синячек под глазом. Про то, что он ударил меня молотком, я почему-то забыл, потому что я не чувствовал боли. За всю драку он ударил лишь однажды. А если бы я думал бы только за себя, то суеты насчет молотка бы не было. В руках моих сперва топорик был. Повезло не только нам с дедом. И тем парням тоже был подарен шанс. И дед успел подумать, когда топорик под диван забросил в момент нападения на него. Я мог найти топорик. Но он не попался на мои глаза

второй раз. Этот шанс есть. Я его и тот боевик увидел эту суть. Я уверен. По прошествии лет он понимает это лучше, чем тогда.

В шесть утра нас с дедом отпустили. Вести нас не стали. У них были не лица, а морды. Я понимал, что это может быть самое громкое дело в нашем городе, которое показывает реальную картину мира, я даже не знаю, как это можно назвать. Жизнь или сплошной облом. Тупость? Глюк? Стоит ли жить в таком мире, где человек не ЧЕЛОВЕК, а гнида, клоп или животное под маской – Суть?

До этого момента я думал о людях и знал, что..., но теперь я знаю то, что я совсем ничего не знаю о жизни, и какая она должна быть. За меня все решают вот такие люди.

Двери в квартиру нараспашку. Это не дверь, а что-то похожее на нее. В квартире бардак. Телевизор со стеклами на полу. На стенах и в некоторых местах струи крови присохшей. Кровавые коврики, подушки, простыни – все это было похищено. А и так же молоток, топорик, гильза от пули.

– Надо найти пулю. Мы в момент выстрела стояли вот так. Значит, пуля прошла в двери шифоньера. – Пулевое отверстие в бетонной стене на уровне солнечного сплетения. Пуля прошла между нами и попала в бетонную стену, пролетев примерно в пяти сантиметрах от моего деда. Пули, конечно, тоже не было.

– Как я смогу доказать свою правоту?

Дед посмотрел на эту картину и пошел на кухню проверить ту начатую им днем бутылку водки. Дед не стал пить. Он выпил всего рюмочку. Он был в ту ночь абсолютно трезвый. К его удивлению он думал, что его черпак тоже украли.

– Бутылку не нашли. Вот бандиты. Не так, так по-другому они... но все же сделали свое воровское дело. Где теперь коврик, телевизор, молоток, который я, будучи токарем, для себя тридцать лет тому назад лично сделал. Сынок. Фронтвик. Давай выпьем с тобой.

– Этой ночью ты принял бой. Все живы. За это надо выпить. – Я пить не стал.

Держа в руках гнутый на 90 градусов вырванный дверной замок, я вспомнил об училище. Учитель предмета право нам как раз рассказывала о подобных сюжетах, связанных о неправомерном исполнении служебных обязанностей со стороны Закона. Превышение служебных полномочий.

В субботние дни в училище проходит практика. Городские должны быть там обязательно учиться сварному делу. Это мне можно в субботу не приходиться, так как на выходные мне, допустим, надо быть в деревне. Проще сказать, что у меня есть такое право и сварочный аппарат тоже. Практики дома хватит.

Я не стал звонить в деревню. У нас там телефона пока еще не было. Родители все равно в понедельник приедут сами.

– Все дела нужно делать прямо сейчас.

В девять часов утра я пришел в мастерскую. Наш мастер Александр Николаевич не поверил мне.

– Ты что, Рафаэль? Такого быть не может. Тебя бы не отпустили.

Учитель по праву не стала меня слушать. Она крутила носом.

Нашлись люди, которые меня выслушали и поняли. Я понял, что они тоже попадали в такие ситуации и видят то же самое. Ну, хотя бы приблизительно. Туманно. С одной стороны, трудные подростки. Общакотцы. Парни из моей группы подтянули меня на квартал.

– Да. Вот ты тоже понял, в чем тут дело. Ты знаешь, кто я такой?

– Братва? Люди заодно?

– Я считаюсь в общаке шпанюк. Обшак – это общество с криминальным уклоном. Мы идем на квартал «Осенняя». Мы шли украдкой, как будто мы шпионы. Он авторитетный парень воровского мира. На него идет охота. Поэтому ему необходимо всякий раз проделывать новый путь и не повторяться в своем маршруте. Женя – Рыжий. Казалось, что за каждым

домом может на крыше сидеть снайпер и целиться в него. Или еще хуже. Не дай бог, чтобы его сфотографировали.

– В этом деле, Рафаэль, надо соблюдать конспирацию. Нельзя, чтобы кто-нибудь знал, что мы солдаты невидимого фронта. В каждом микрорайоне есть свои точки, базы, где прикуп – все на котел и общаковскую кассу. Половина с прикупа, который ты сделал, – твое.

– Цель. Смысл этого сообщества в чем? Борьба с беспределом туда входит?

– Конечно. Это основная задача этого сообщества. Нас, если посчитать в этом маленьком городке, только нашего возраста можно собрать в один день 2000 человек. Должен быть порядок, ответственность и соблюдение воровских понятий. Это святое. Надо помочь людям, которые попали в такую же ситуацию ни за что в тюрьму. Во благо дальнейшей здоровой жизни на земле. С гадами надо бороться. Где поймал – там его и нахлобучил. Тем самым очистим мир от грязи. Одному не выжить в этом мире. Одному он не нужен. Надо собираться в группы. Вместе собравшись, можно сделать все. – Мы пришли на Осеннюю. Походили по его знакомым. Он прикалывал их за мою сегодняшнюю ночь.

– Что это у тебя на голове?

– Где?

– Подожди, я посмотрю. Это присохшая кровь. – Я забыл об ударе о молоток. Я думал, что с головой все в порядке. Но на ней был глубокий разрез в пару сантиметров.

– А что же тогда с его головой? Да менты говорили, что его в госпиталь отправили на лечение.

– Прикинь, за деда опера поломал. Такого еще не было.

– Так они меня сами Молотобойцем окрестили.

Меня хотели приобщить к общему. Я не стал сразу соглашаться на мутное дело.

Я сказал, что подумаю над этим и в понедельник дам ответ.

Вернулся я обратно к деду на квартиру около 12 часов дня. Я позвонил своему другу Пинчаку Сергею, чтобы он позвал моего брата к трубочке. Брату и затем матери я объяснил суть дела, и в воскресенье, рано утром, они уже были в городе, прихватив с собой видеокамеру и нейтрального человека. Мы не стали ждать, когда меня посадят в тюрьму, и провели свое независимое внутреннее расследование.

Оказалось, что милиция весь подъезд так перепугала, что они все разом память потеряли. Но все же из всех квартир нашлась одна честная. Хотя я даже не рассчитывал на них. В этой квартире жили три сестры. Я с восьми лет их знаю. Они били меня по лицу, а я говорил, что мне не больно. Они рвали мои волосы, но я и здесь не подавал вида. Моя сестра говорила, что я дурак. Надо было побить их. А я отвечал: «Ты не понимаешь, сестренка, они проиграли. Ты посмотри, какая у них жажда причинить кому-нибудь боль. А со мной это не выходит». Девочки думали, что если мы из деревни, значит мы дураки. Они оплевывали нам двери. Я заставлял их смывать, но они прятались за свою старшую сестру.

– Я хоть из деревни, но вашу дверь не оплевываю. Я не дурак!

Девчонки подросли. Преобразились. Одна девушка рассказала, как все было.

Милицию вызвала женщина с пятого этажа. Ее муж кинулся на нее с ножом. Он не ударил ее, а просто напугал и ушел из дома. Он уехал на дачу. Его жена подумала, что он выпивает с дедушкой, и вызвала криминальный отдел милиции, и заявила о покушении на ее жизнь. Милиция не стала разбираться в подробностях и сразу же начали выбивать дверь. Они думали, что двери сразу вылетят. Получат премию за успешную ликвидацию особо опасного преступника. Двери выбить не смогли. Нашелся верхолаз, который решил отличиться. Он думал, что нахлобучит упитых бичей, как описала им тетя с пятого этажа, – и все верхки его. Хотели газом травануть, но у самих масок нет. Они долго били двери. И соседи помогали. Как минимум с трех квартир из нашего подъезда проявляли свою сноровку. Двери толкало человек пятнадцать. Стать на площадке некуда было. Они сами все охирели от такой брони. Потом стре-

лять начали. Скорая приехала. Милиционер весь в крови был. Парень кричал, что с дедушкой живет. Машин понаехало.

Я соседей не слышал, и в окно смотреть времени у меня не было. Да и вообще я не думал, что это милиция. Я знал, что это бандиты. Если бы приехала милиция, то удары должны были бы прекратиться. И тем более звонили же по телефону три раза. Адрес и все остальное они знают. Неужели нельзя было сказать в трубочке деду, что это сама милиция беспредельничает?

Отец снял все это на видео пленку и отправил в прокуратуру на расследование. Хотя бы пусть двери восстановят. Не просят извинений.

Дело стало в тупик. Там прямо сказали: могут голову оторвать. Здесь даже Москва не поможет. Отец написал в газету статью под названием «По чьей наводке брали хату?», но эту статью не пропустили. Шолохова, работающая, как она до этого считала, в независимой и свободной газете, вскоре поменяла свое мировоззрение и уволилась из газеты. Потом смирилась и устроилась в газету уже с другим названием. Муж той женщины с пятого этажа развелся с женой и куда-то уехал. Милиционер не выдержал насмешек, получил строгий выговор. Уволился и уехал подальше из России в государство Израиль. Человек, державший меня за шею, стал начальником криминальной милиции города Биробиджана и ЕАО. Тоже татарин.

В воскресенье я приехал в Надеждинское и пошел с парнями на дискотеку. Танцевать желания не было. Я много думал обо всем, что случилось.

– Этот голос кого-то: «Не вздумай! Держись! Есть еще шанс!» Выстрел. Парни, успевшие уехать. Кровь. Запах смолы. Запах смерти.

Паша внезапно решил уехать в Сибирь к родственникам.

– Братело, не грузись. Все живы, здоровы. Чего еще надо? Все хорошо. Давай плясать. Я через неделю уезжаю навсегда. Давай запомним этот вечер! – Мы стали танцевать, веселиться.

Вышли за клуб. Там парни химку курили. У одного парня брат в милиции работает. У нас с ним зашел спор. Он не мог поверить в это и назвал меня балаболом. Мы с ним подрались. Я справлялся с ним, но среди ребят были люди, которым больше хотелось, чтобы победил он. Я самый младший среди всех, но самый загазованный. Быстрый. Ему подсобили. Я проиграл бой.

В понедельник Жене общаковцу я ответил:

– Нет, Женя. Я не хочу быть таким, как вы. У вас, похоже, там тоже многие врут. Тут я уже не стал продолжать.

– Привет, Эйнштейн. Ну как дела?

– Да все нормально. Как всегда.

– Вчера сказал один чудака, что вечности, мол, нет. Ты вечный двигатель собрал?

– Да нет, братан, бухаю. Иду налево – спотыкаюсь. Направо – падаю всегда.

Наутро просыпаюсь и снова я пытаюсь пройти прямой свой путь просторный. И натыкаюсь на вопрос: «Я что свободный? И выхода другого нет, как вечный двигатель собрать». Над этим я работаю и часто выпиваю. Теряя память под луной, я часто разбиваюсь. Сегодня палец мне сломали. Что поломают завтра, я не знаю. Сейчас обед, и мы хороним парня. Его три дня назад машиной сбило.

– Свобода в выборе твоём. Во сколько б ты не умер, что б снова смог родиться. Наука, брат, поможет. И двигатель спасет. Один я не справляюсь. И времени в обрез. В поту я просыпаюсь и снова осаждаюсь.

Все бьет и бьет по голове отчет. А ты спросил: «Ну как дела?»

Твой брат вчера попался в клетку. Он тоже ничего не понял. Ведь мы неправильно живем.

В училище с общением проблем не было. Было три случая, когда меня все же разводили. (Кто вообще придумал эту чушь?) Как подаяние я давал два рубля. Было три на проезд. Рубль

я всегда оставлял себе. На тот мрак больше двух не дают. Видите ли, там нужнее будет. Святое, брат, святое.

Я эту мысль сразу понял.

– Ну что? Драться по очереди будем или вы сразу все втроем кинетесь?

Было дело: парню из группы куртку дал до завтра, но она там задержалась на три дня. Пацан вовремя сообразил, как ему культурно отъехать от предьявы. При таких вещах кровь закипает в жилах. Это было до этого дня. Но с этого я в группе был среди тех, кто в общем составляет мозговой центр всего нашего коллектива.

Получилась хорошая, дружная группа. Конечно же, не обошлось и без кадров, где по всеобщему принципу было собрано много интересных индивидуумов, как, в частности, Карпенко. Этого человека нетрудно представить в образе. Рассеянный тип. Но прикольный как раз вот именно этим.

– Какая разница – большая разница? – Это был его коронный вопрос, после которого он почему-то перестал учиться. А было так весело.

У нашего мастера, то есть у его жены, умер брат. Мастак пришел к нам в кабинет, объяснил всем ситуацию, что его не будет, и чтобы мы не подвели в такой момент.

– Не сорвите, ребята, уроки, я вас прошу. – Если бы он этого не говорил, я бы уроки не сорвал.

Я натыкал при всей группе спички в замок кабинета. Учитель не смог открыть. Конечно же, у меня бы это не получилось, если бы мне не помогали два парня, которые уверены в том, что это все придумали и затеяли именно они. Поэтому им пришлось припугнуть всю группу о том, что, если кто проговорится о содеянном и останется в училище, тот получит по башке. И пусть нас выгонят с фазанки. Из училища выгнали только Женю. Женю выгнали из-за меня. Хотя я уверен: его могли выгнать и после. Он уже успел не понравиться многим учителям. Парень – лидер по натуре. Уже был чемпионом Украины среди юниоров по поднятию веса. Он не мычит. Если сказал, то сделал. Язык подвешен. Все, что хочешь, обоснует. А учитель – носорог, шнягу толкнул, его попутал бес.

То, что меня не вбагрят одноклассники, был уверен. Я со всеми ладил. Все очень просто. Любая остроумная реплика или шутка исходила от меня. Никто не станет угнетать человека, дающего задор и юмор в жизни общей. Тем более, что в группе я был отличником. В моей школе у меня списывали только брат и друг. Здесь же у меня списывает не меньше пяти человек. В других ячейках класса тоже есть стремила к науке, так что не только у меня списывали.

Мне запомнился диктант по русскому языку. Получил четыре. (В нашей школе я всегда получал двойки. Наталья Васильевна мне говорила, чтобы я не думал об ошибках, а просто писал, потому что ошибки были лишь только в тех словах, о которых я долго думал. Бывало, по шесть раз исправлял).

Я подумал о будущем и закрепил специально для себя разработанный план по подъему авторитета в группе. Избил при всех группах одного пацана просто так (вам так показалось). Я выбрал не хилого парня для того, что бы все не думали, что это мною придумано. Это они думают, что я слабее, чем выгляжу. Главное – скорость, концентрация, ловкость, неосязаемая защита, и любой бык свалится. Не свалится, значит, выносливости не хватило. Я сделал это так, что парень подумал, что виноват он. После втихушку он принес мне свои извинения. Он осознал свой косяк. Парень нормальный, я – тем более. Чтобы все видели и не забывали это. Возьму и растерзаю. Больше уважать начинают. Я-то был прав. Они же это видели. Конечно же, я бы мог выбрать человека, который бы смог мне дать сдачи, но это уже было бы глупо.

Урок истории вела молодая красивая учительница Ирина Васильевна. Она умела рассказывать. Я не всегда ее слушал.

Мой близкий друг из деревни Олег учился в Хабаровском речном училище №5 на первом курсе на моториста или механика речного судна. Что-то не очень горело мое желание быть всю жизнь сварщиком. Для себя можно познать этот предмет в деревенских условиях. Поэтому я забрал свои документы из нашего города и перевелся в Хабаровск, в группу моего ближайшего друга. Когда я забирал документы, в кабинет к директору забежала Ирина Васильевна, заплаканная. В истерике.

– Все! Я больше так не могу. Этот Гальян. Он меня достал. Что за человек такой? Я тоже забираю свои документы. – Все учителя, что там были и занимались мной, стали успокаивать ее. Мне тоже захотелось ее успокоить и пожалеть. Даже более чем... Зачем же забирать свои документы?

– Тогда выгоняйте его.

– Ну, ты же знаешь, что он сирота. Его выгонять некуда.

Поступал в Хабаровское училище две недели. Прошел медосмотр. Мастер не стала торопиться брать меня в свою группу. Сперва хотела познакомиться с моими родителями. Я пытался ей объяснить, что мои родители не шибко-то поддерживали мой выбор. С Олегом в общежитии мы нашли мне подходящего отца. Нужно было прийти с ним в понедельник.

Была пятница. Олег предложил поехать с ним в поселок Николаевка к его бабушке в гости. Подъезжая к поселку, друг в шутку предложил продолжить наш путь до Биробиджана. (Этого не следовало делать, а, может быть, так должно было случиться).

Приехали в Биробиджан. Двое суток мы прошатались по знакомым с Сопки. Воскресенье 1 декабря нам нужно было вернуться в Хабару. Мы думали поехать утром на нашей местной электричке. Могли проехать зайцем.

– Какая разница на каком поезде ехать? Поедем вечером на Ленинском.

На Ленинский поезд мы сели с разрешения шефа – капитана поезда. Проехать смогли на нем в долг только лишь 60 километров до станции «Ин». Хорошо что через десять минут из Хабаровска объявили наш местный поезд, так бы замерзли. Одеты мы были простенько, по осени. В тот вечер наступила резко зима (-32 градуса). Промерзли мы до самого мозга костей. Зуб на зуб не попадал. Кондуктор по нашему виду определил, что денег у нас нет.

Два парня и дедушка с нами были по соседству, выпивали спиртное. У меня была пачка примы. Парни предложили нам согреться алкоголем. Мы не стали отказываться. Пили мы технический спирт. Закуски не было. Я пошел и взял у проводницы кружку и набрал воды. Она не спросила за проезд.

– Не забудь вернуть кружку!

– Хорошо.

Со спиртным я переборщил. Помню, как ребята говорили.

– Да, какая кружка. Забудь о ней.

– Нет. Я сказал верну, значит верну.

Я вышел не с той стороны поезда и пошел сам, не зная, куда. Память дальше идет с перерывами.

Я в милицейском УАЗике. Двери открываются, и ко мне, в это маленькое пространство, милиция пытается запихать какого-то мужика. Я смеюсь. Мужик бьет им по морде. Они его травят газом, но на него он не действует. Они бьют его дубинками, но мужик и это выдерживает. Тогда они вытаскивают и отпускают меня и толпой загоняют его, как в консервную банку. В другие двери, в салон, запихивают тех двух моих попутчиков. Олега с ними нет.

– Саня! Братан, где Олег?

– Не знаю. Подожди нас в Мутном глазе (бар), нас сейчас отпустят.

В баре никого не было, кроме двух толстых женщин и одного мужчины. Они сидели за столиком, пили холодное пиво. На столе было много закуски.

Я прислушался, о чем они говорят.

– Как они достали, эти бродяги! – Сказал мужик.

– А я их жалею. Ну не могу я пройти мимо таких людей.

– Зачем? Мне кажется, что проще их всех собрать и расстрелять. Все равно из них толку не будет.

– Как так можно? Они же дети.

– Уроды. Отбросы. Они далеко не дети.

– Послушайте меня. Я не отбросы. Я просто жду друзей, они должны сейчас подойти и увести меня домой. Я просто очень пьяный, и мне холодно. Еще милиция хочет убить.

– На вот тебе, дитя, пиво попей, согрейся.

Я взял большую кружку. Сделал глоток и отказался.

– Становится еще холоднее. Мне бы горячего чаю стакан, если вы мне хотите помочь.

– Кокой тебе горячий чай? Ты что, баран, имеешь против милиции?

– Кто баран? Ты, дядя, попутал? Похоже ты один из них же?

Мужик вскипел. Мы вышли с ним на крыльцо. Он хотел снять с меня часы за тот глоток пива, но не успел, пришли мои знакомые. Память снова пропала.

– Милиция?

Я снова в УАЗике. Куда меня так долго везут? Отпустили.

– Где я?

Не могу понять. Куда идти? Этот забор. Он вообще когда-нибудь закончится? Надо перелезть. Мои руки чуть не сгорели от холода железного высокого забора с пиками.

– Да, что ты будешь делать? Опять этот забор не кончается. Е-мае, это же банк.

Пришлось перелезть снова. Тут меня опять взяли и увезли в милицию.

– Так! А теперь я где? Что за деревня? Где город? На этот раз они меня напрочь завезли. Теперь я точно замерзну. Здесь и залезть-то некуда. Надо найти магазин, разбить окно. Я совершу преступление, пусть лучше меня посадят в клоповник. Там я не замерзну.

– Что за деревня такая? Это куда они меня так завезли, что магазинов нет? Я пропал. Надо же было так случиться, чтобы пьяным к ним попасть? Самая глупая суть. Меня никто в квартиру не пустит. Тупые пристрелят. Надо идти туда, где больше света. Там должен быть выход.

Я пересек большое озеро. Падал много раз. Вставал и шел дальше. Наконец, я уперся в колючую проволоку.

– Это что, граница с Китаем? А какая разница, где подыхать?

Я лег на землю, чтобы проползти под проволокой. Стало так тепло, что не хотелось вставать.

– Интересно. Кто проделал здесь лаз? Еноты? Собаки? Посплю немного и продвинемся дальше. Стоп. Я же уже умираю. Мне стало тепло и сонно. Это признаки переохлаждения. Если я сейчас не встану, то меня, может быть, даже не найдут. Эти сволочи выиграют. Нет. Я просто так не сдамся.

Я прополз под проволокой и уперся в еще такое же препятствие.

– Это точно граница. Смотри-ка. Надо же? Как нас берегут.

Легко пролез и под этим ограждением. Вышел на тропинку и пошел по направлению к трехэтажному зданию. Меня глючило. Мне казалось, что я иду не один. Со мной шли священники по обоим сторонам и сзади. Мы шли целой группой. Наша цель: разбить окно в каком-нибудь магазине и согреться.

– Ребята. Да не расстраивайтесь вы так. Все будет хорошо. Прорвемся.

– Стой! Стой, стрелять буду!

– А. Это сумасшедший. Не обращайтесь внимания. Он это не нам. Тем более, кто ему ствол доверит.

Прозвучал выстрел.

– Стой говорю, сейчас убью!

– Опа. Атас! Руки вверх. Этот дурик все же где-то ствол достал. Не дергайтесь.

Делайте, что он скажет.

– Да, бог с тобой. Стреляй! Если тебе станет легче. Я все равно замерзаю.

Мужик с ружьем с кем-то что-то разговаривает.

– Похоже, его тоже глючит. Ха-ха-ха! Во попал. Батюшки, братцы, его тоже плющит, как и нас.

Через пару минут мужиков стало больше, и меня со священниками под ружьями повели вперед. Пришли в тепло и поднялись по этажам в одну комнату, где за длинным столом сидел военный с усами. Сзади меня держали на мушке. Священники же не стали входить в этот кабинет и остались снаружи.

– Ты кто? Откуда? Зачем?

Я рассказал ему все....

– Эти сволочи. Они хотели убить меня. Просто. Замерз и все. Они должны были меня как малолетку доставить прямо домой. Двух месяцев не прошло. Я у них на первом счете как особо опасный.

– Не дави на гниль. Мне плевать на тебя!

– Тогда и мне на тебя чихать. Разберусь сперва с ними, и до тебя очередь дойдет.

– Ты что, пацан, о себе возомнил?

– Я знаю, что в будущем я очень важная персона. Я это знаю с самого рождения. И все, что сейчас творится, тоже очень важно.

– Ладно, парень. Не горюй. Я пошутил. У меня сын твоих годов.

Ты как себя чувствуешь? Согрелся? Отрезвел?

– Лучше.

– Не беспокойся. Я не отдам тебя им, пока тебе не станет лучше.

Мне принесли чай.

– Я прослежу. Ты совершил преступление. Тебя могли застрелить, и по нашим законам служивый получил бы не по шапке, а, наоборот, его бы поощрили. Поэтому видишь вот этого дядю с ружьем. Вот он с гражданки и работает за зарплату. Пенсионер. В стране дурдом. С тобой я согласен. Может быть, у тебя что-то получится. Но не будь таким злым. Не все уроды.

– Куда же я залез?

– Армейская нефтебаза.

Мужик пожал мне руку и отдал меня ментам. Те уже все знали меня. Ржали, как кони. У меня опухло ухо и повисло набок. Привезли домой к деду. Меня не били.

Утром приехала мама.

– Все, сынок. На этом твоя учеба в Хабаровске окончена.

Я поехал с ней и забрал свои документы. Уже во вторник я вернулся в свое училище. Вся группа обрадовалась. Особенно мастер, когда увидел мое ухо. Оно было черным. Я думал – отвалится.

На обеде ко мне подошла одна женщина, которая отвечает за малолетних преступников.

– Какой шустрый. Не успел уйти, как вернулся тут же. Да не просто так. Преступление совершил. Ты что натворил? Где ты потерял свой студенческий билет? В милиции сказали, что его забрали на рынке у какого-то наркоторговца. Что было на самом деле?

Я объяснил ей ситуацию, но она, как и тогда, не поверила.

– Без родителей к урокам я тебя не допущу.

Я привел маму, но учитель и ей не поверила.

– Не объясняй ей. Они верят только в то, что хотят. Они не воспринимают то, что происходит на самом деле. Они другие. Слепые. Тупые. Глухие. Им вообще на нас плевать. (-Винюват ли я? Я попал в глупую ситуацию. Я потерялся. Они и рады стараться. Да не помочь она мне хотела. Лишила стипендии.)

Прошел еще один день. Пришла мне повестка из милиции по делам несовершеннолетних.

Я пошел туда с одним парнем из группы. Нас встретила симпатичная блондинка. Я ей понравился. Таких кадров она еще не встречала.

– Ну, ты даешь. Ты что, в своей жизни никогда страха не видел?

Я смотрю на нее и не понимаю.

– Тебя ко мне привозили три раза. Ты что, меня не помнишь?

– Нет.

– На вот, посмотри. Это протокол твоего задержания. Я тебе сказала, распишись вот здесь. Ты настолько был пьян, что не смог с первого раза расписаться. Поэтому ты наштамповал свой автограф по всему протоколу. Потом полез в карман за сигаретами. Похоже, ты их скурил где-то до этого. После перевернул столы. Требовал: «Дайте мне автомат, и я вас всех перестреляю!» Во всех случаях ты побывал в разных точках города и пригорода. Ты понял, Серый?

Она все описала в подробностях. Приметила все, кроме времени. К деду меня привезли в четыре ночи. В клоповнике был один раз. Там были двое парней лет по 23—25. Я пробыл там недолго, потому что парни сказали, что уже долго сидят, и они не скоро встанут. Я начал выбивать двери.

– Как так? Беспредел. Подумать только. Ну, что хотят, то и делают.

– Тихо, брат. Не делай так. Откроют, когда надо, но не сейчас же. Из-за тебя и нас поломают.

– Ну-ка, сука, открывай-ка двери! Вы что там, совсем оборзели!

Двери тут же открыли, и привезли меня к деду.

Я, Серега, не волшебник, чтобы мог так быстро попадать в разные точки города и пригорода.

10 декабря умерла бабушка моего друга.

1998 год

Седьмое января. Один час ночи.

Я, моя сестра Кристина, Печкин, его сестра Люба и друг Олег собрались вместе и пошли гадать на пустую квартиру покойной бабушки Печкина. Он же, Сергей-Лысый. Еще была одна его погремуха. Шутя меж нами, мы его дразнили Лысштандарт-Энд—Фюрер-ЭСС-Печкин-Лысентуми. Он же, самый лучший и первый друг, который меня понимал лучше всех. И только я так мог его называть, прямо смотря ему в глаза. Хотя у каждого из нас параллельно, по отдельности, образовывался свой круг мышления. Но на самых главных событиях мы собирались всегда вместе. Тот парень, которого я тянул за собой в школе в науке, а он меня помогал вытащить иногда в смуте. Вместе с ним же мы много натворили и познавали мир. Хорошего было мало, но все же что-то было. Он первый среди всех, кто почему-то осмелился сказать при всех вслух: «Это красиво». Почему-то таких красивых слов говорить все стеснялись. Он мог ловить кайф от жизни, хотя кровь он тоже многим посворачивал. Он первый человек, которого я впервые избил. Он же мне первый показал, что такое предательство, подстава, интрига, заговор, провокация, симуляция, ложь, лесть, ненависть, злость, фашизм, издевательство. Он запросто мог расплющить молотком головы птенцов. Он мог захлебываться со смеха от чужого горя. Он, было, заступался за слабых. Лучше всех он мог рассказать анекдот или скорчить рожу. Он мог плакать, когда на него находило сознание. Он многого не понимал. Он тоже играл чью—то роль. И никто не мог его не заметить, как бы он ни старался спрятаться. В нем было все, что можно было увидеть в человеке ужасное и в то же время прекрасное.

– Нельзя гадать у моей бабки на квартире. —Упирается Сергей.

– Говорят, нельзя этого делать, если в родне кто-то погиб. Еще года не прошло. Заберет с собой.

– Ладно, Серый, не гони. Если что.., закопаем тебя по высшему разряду. – Все рассмеялись над шуткой и пошли гадать.

Апрель. Мои родители купили двухкомнатную квартиру. Дом №50 на Пионерской улице, в городе Биробиджане, четвертый этаж. Деда квартира в 84 доме.

Освободился с малолетки Лихачев Сергей. Еще один мой друг детства. Прозвище Лихач, Руль, Цыган. Он был сиротой. У него были родственники, но они от него отказались из-за того, что он их часто грабил. Жить ему было негде. Он ночевал у знакомых, друзей, случайных встречных. Я не видел его четыре года.

Встретил у Печкина на съемной квартире. Руль ночевал там, пока Печкина старики в деревне.

Ночь. Первая ночь на новой квартире. Я с братом. Хата пустая. Кровать одна, брат спит на ней. Я лежу просто на матрасе позади брата, на полу. Зал. У меня бессонница. Брат храпит уже давно. Слышу: приближается знакомый шум. Волнение усиливается. Шум очень громкий. Это кажется, что я уже долго объясняю, но все происходит почти мгновенно. Тупость. Ты не можешь понять, что происходит. Не можешь ухватить. Не успеваешь понять смысл. Появилась яркая вспышка. Она не исчезла. Она слева от меня. Чего быть не может. Я вплотную у стены. Да нет же. Я посередине зала. Приподнят над полом. Зависший в воздухе над полом. Я не на матрасе. Свет. Яркий шар. Он ослепляет. Там что-то есть. Я не могу туда смотреть. Кто это? Я не понимаю, почему я не могу шевелиться, говорить. Этот страх. Откуда он? Почему это со мной происходит, а не с братом?

Это, наверное, женщина? Но почему халат в цветочек? Лица не видно. Оно стоит вне зоны видимости головы, надо мною, со стороны затылка. Моя голова повернута влево. (Вот

так лежишь, как кусок травы, блымаешь и тупо думаешь о том, что вообще не понимаешь, что все это значит.)

В следующую же секунду все исчезло. Я резко подскочил с матраса у стены.

– Славик! Ты видел!? Ты слышал!?

– Что ты орешь, как дурак?

От голоса Славика я испугался. Это как вернуться с другого мира в пустую банку и, наконец-то, услышать родной голос. Я подпрыгнул. Мурашки пробежали по телу. Быстро подкрался к выключателю с большой опаской и подозрением, вглядываясь в темноту прихожей. Включил свет.

Я брату рассказал все, что случилось. Он посмотрел на меня с недоверием.

– Туши свет!

– Нет. Как ты ни кричи, но свет сегодня мы тушить не будем.

Мама приехала на следующий день. (В пятницу.)

– Странно все это, сынок. Вообще-то, я слышала о полтергейстах. Ты возьми сюда своего рыжего кота. Если что тут и есть, то кот даст это понять.

Я специально взял с собой кота и на следующие дни остался с ним наедине в пустой квартире. Брат хоть и не поверил, но ночевать пошел к деду. Мне же надо было во всем разобраться.

Кровать я поставил в дальнюю комнату. Полнолуние. Луна как раз бьет в окно, и все видно. Кровать в дальнем правом углу, слева от окна. Мне видно всю комнату.

– Если оно есть, то оно обязательно должно прийти. Ведь оно зачем-то приходит. Может, хочет меня предупредить? Или установить контакт?

Выключил свет. Лежу с котом в обнимку. Жду. Долго жду.

– Наконец-то....

Появились волны. Я заметил, что есть некоторое время, когда оно пытается приблизиться. Видимо, к нам подойти и установить связь не так-то просто.

Все мое внимание сосредоточенно на коте. Он мурлыкал. Когда появились легкие волны, он перестал мурлыкать. Повернулся ко входной двери. Встал на четвереньки. Выпустил когти. Шерсть взъерошена, рычит, шипит и фыркает.

Я не дергаюсь. Смотрю, что будет дальше.

Кот начал поворачивать плавно голову. Он явно кого-то видит. Я вообще никого не вижу. Волны усиливаются. По повороту головы кота я понимаю, что это подходит справа ко мне и именно к моей голове. Кота я держал. Он поцарапал меня, завизжал, укусил и вырвался.

Убежал в зал. Кот вообще с ума сошел.

Я быстро встал и включил свет.

– Эксперимент начинается!

Быстро пробежался по квартире. Кот пропал. Его нигде нет. На часах 23 часа 45 минут.

– Да хрен с этим котом. Самое главное – не пропустить вспышку. Выключил свет. Вернулся в койку.

Суть эксперимента в том, чтобы понять, сколько проходит времени и смогу ли я бороться с этим явлением. Я постараюсь противиться и не идти на контакт. Оно всегда заставало меня врасплох, но на этот раз...

Я чувствую волны. Они то усиливаются, то гасятся. У меня получается бороться. Я поставил мысленно стену. Дождевую стену, кирпичную. И соломенную ставил.

– Ха-ха-ха. Не получается.

Я понял: это проникает в начале через наши мысли. Они знают, о чем мы думаем. Эту мысль надо постоянно менять, иначе они продолжат ее сами, и ты уже не сможешь понять, кто из нас думает, я думаю или это невидимка за меня, подстроившись к моим мыслям, и продолжает их незаметно для меня, овладевая моим сознанием телепатически, заводя в гипноз.

Во дворе завелся мотоцикл. Я задумался о ее марке. Как раз хорошая стена, завеса.

- Нет. Это не «Восход». Тем более не «Минск». Это даже не «Планета №5».
- Наверное, это японский мотоцикл. Чисто работает. Автомат. Приближается.
- Похоже, он хочет по этой тропинке проехать. Почему он не сбавляет скорость?
- Вот, блин! Накололи. Это не мотоцикл.

Мне на грудь, что-то упало. Я быстро схватил это.

- Откуда здесь змеи? Нет. Это не змея. Это шнур. Куда он ведет?

Я потянул за шнур, он застрял справа от меня.

Напротив головы, у правой стены, я увидел маленькое устройство. Оно чем-то напомнило мне автомобильный аудиоманитофон или фотоаппарат полароид. Таких же размеров. Снизу что-то плавно выдвинулось. Меня парализовало. Грудь моя в солнечном сплетении шевелилась. Это не сердце.

Эта штука через пару секунд задвинулась. Шум, волны исчезли. Я могу двигаться.

Включил свет.

- Ничего себе! Куда делось время?

На часах 15 минут третьего ночи. 2:15

Я понимаю, что в это трудно поверить, но непонятка со временем, правда. На все это действие ушло приблизительно столько же времени, сколько ты затратил на чтение с момента выключения и в момент включения света. Пусть даже мы возьмем пол часа борьбы (Грубо говоря. Но это уже будет неправда. Допустим.). Пусть даже так, но куда делись целых два часа моей жизни. С головой у меня все в порядке. Многих удивляю точным определением времени по солнцу. И Время я чувствую. Это тоже с детства. Я в три года мог сказать взрослым, сколько время. Света на этот раз не было. Была очень большая усталость. Меня, словно, выжали, как лимон. Усталость очень сильная, как будто бы я несколько суток не спал и все время что-то делал, как говорят, типа, разгружал вагоны. Очень хочется спать.

Так со включенным светом я проспал до утра. Кота найти не смог. Уехал учиться.

Приехал часа в три дня.

- Да куда же он делся? Не может же кот испариться?

Кота я нашел на кухне. Он забился под кухонный шкафчик, с обратной стороны. Тихо сидел. Когда я его достал оттуда, он так обрадовался. Замурлыкал. Такой родной стал. Я понес его в ту комнату, но он меня снова поцарапал. Дрожал. Начал мяукать. Смотрит на меня с широкими глазами. Короче, в эту комнату его даже под стволом не затащишь.

Теперь я точно знал, что на этом свете есть что-то непонятное. Оно хочет мне о чем-то сказать, но не может, так как у меня теряется память. У них есть техника, которая шумит и светится. Они ей могут повлиять на нас, как им угодно. Мне многое непонятно.

– Почему в одних случаях виден человекоподобный силуэт без лица. Кто они? Почему прячутся? В одном случае виден яркий свет, шар, а в этом – маленький аппарат? Шнур какой-то? Змеи. Может быть, они со мной что-то делали, а аппарат стер мою память?

Это был ритуал посвящения в цари. Узнал об этом в 2007 году. Этот ритуал описан в пирамидах Бога РА.

Очень много вопросов, на которые я найду ответ, и это нам всем будет очень дорого стоить.

На следующий день я встретил Руля. Он попросился переночевать у меня на квартире. Там мы вспоминали прошлое. Я спросил о настоящем. Он рассказал мне свою непростую жизнь и как ему плохо без мамы, братьев, сестер.

– Похороны. Все пошло кувырком. Родные не примут. Натупил очень много. Мне это надоело. Я так жить на хочу. Помогите выбраться. Помогите мне стать человеком. Попроси за меня своих родителей усыновить меня. Я буду счастлив быть твоим братом. Я буду делать все, чтобы угодить твоим родителям. И никогда не подведу вас.

- Хорошо. Я поговорю с родными.

Отец согласился сразу. Мама сказала: «Дадим испытательный срок». Сестра отказала. Брат был не против.

Сергей жил у нас. Все было хорошо. Он поправился. Помогал по хозяйству, пока мы с братом учились. Одна большая семья. Она даже как-то улучшила обстановку сознания. Все довольны.

Наступило лето. День молодежи. Я с Сергеем поставил десять литров медовой браги. Набрали пять литров медовухи и пошли с двумя подругами на берег отмечать это событие. Выпили брагу. Нас развезло. Купались в озере. Потом пошли за остатком медовухи. Когда я набирал ее, меня позвал братишка Славик.

– Тут такое дело. Там на дороге мужики стоят, у них Москвич сломался. Надо бы помочь дотянуть их до города. 100 рублей платят.

– На бензин хватит (автомобиль на соляре)?

– Да.

– Заводи, братан, машину!

Я отдал бражку Сереге и отправился с братом.

По пути с мужиками пил водку. Говорил много. Так мы дотянули до города.

Перед нами горел желтый свет светофора. Тормозить было поздно, и мы аккуратно проехали перекресток. Нас остановило ГАТИ. Славик – молодой шофер.

Стаж с девяти лет.

– Что-то долго они там сидят. Пойду посмотрю, что они там так долго думают?

– Не надо. Ты вкепанный. Куда лезешь?

– Да, знаю я их. Какая разница, вкепанный я или нет? Главное, что брат трезвый.

– Славян, что они там пишут?

– Протокол составляют, что мы, якобы, проехали на красный свет.

– Не подписывай. Напиши, что ты не согласен.

Менты хотели меня прогнать.

– Не имеешь право задерживать!

– Подписывай, или мы его заберем, как за нарушителя порядка и распития спиртных напитков в общественном месте.

– Не вздумай подписывать.

Двое начали меня толкать в машину. Брат не подписался. Затолкать меня не могут. Вызвали наряд. Толкают. Затолкать не могут. Долго толкают. Народ собирается. Не бьют. С другой стороны волги двери открыты. Надо же меня взять крепко. Куча такая упирается в тростинку. Четыре рыла.

И тут я резко выпрыгиваю с другой стороны. Но один все же успел поймать меня за штаны. Я бы ушел. Но сразу понял, что без штанов уходить глупо.

– Ну ладно. Поехали посмотрим.

В машине меня долго били. Наручники одели сзади. Кожа полопалась. Дубинка — это очень больно. Руки, спина – все было избито так, что у меня мысль пропала.

Судья осудила меня за 10 секунд.

– Так. Давай быстро. Ты за что здесь?

– Не знаю.

– Понятно. Сутки ареста. Свободен.

Посадили на сутки в Белые медведи. Да меня еще вчера посадили. И уже сегодня я выхожу.

Я был у деда. За мной приехали братья, да не одни. С ними были девчонки.

В этот день я встретился со своей будущей подругой и сразу же влюбился в нее.

– Аня.

– Рафаэль.

Она обо мне слышала. Я ее после узнал. Был медосмотр в Дубовской поликлинике. Помню там одну шухорную девчонку. Она не могла пройти мимо кого-то и не пообщаться. Пака она шла, один перепуганный парнишка посоветовал мне не нарываться на грубость...

«Это что за девочка такая?» – подумал я про себя.

Она подошла ко мне и стала смеяться над моим именем. Вернее, я сразу понял, что она хочет сделать именно это.

– Меня звать Рафаэль. Пошла вон отсюда, чушка! И все рты позакрывали!

Кто бы мог подумать, что через четыре года мы познакомимся вновь и полюбим друг друга.

(Вот видишь, надо было просто познакомиться правильно).

В соседнюю деревню мы ездили каждый вечер. Катались с девками на машине. Выпивали. Шутили. Весело. Все были счастливы. Но как всегда средств для таких мероприятий не хватает. Топливо нужно было много.

Август. Сезон сбора урожая.

Мы знаем, что в комбайнах должна оставаться соляра. Наш колхоз давно накрылся, но Дубовской еще шевелится. Днем мы поехали на мелиорацию пробить поляну, в каком районе находятся трудяги.

Вечером, часов в пол-одиннадцатого, было еще светло.

– Смотри. Это ловушка. Они их веером поставили. Убегать некуда. Мы стояли у 8 комбайнов с двумя пустыми мешками и тремя пустыми канистрами по 20 литров. Оказалось, что все баки почти полные. А кое-где совсем полные. Каждый бак у комбайна равен тремстам литрам объема. $250 \text{ умножить на } 8 = 2000 \text{ литров соляры}$.

В четырех коробах приблизительно по три мешка сырой пшеницы.

– Нам много не надо. Давай заправим по горло машину. Три канистры и пару мешков нам хватит. Делаем быстро. Похоже, кто-то приедет.

Мы все сделали, плюс еще в кабине от света фар нашлась еще 10-литровая алюминиевая пустая канистра.

– Уже полная.

Осталось сесть в машину и уехать.

– Слушай. Может, у нас не хватит соляры? Где мы найдем еще столько? Давай вернемся сюда еще раз. Надо кому-то остаться здесь и подождать, когда мы вернемся с пятью пустыми флягами по сорок литров. Норма. Груз двести. Тогда нам точно хватит.

Начался спор, кому остаться. Нас было четверо. Уже темно.

Мы спорили минут тридцать. Успели покурить. Вот-вот договоримся.

– Почему удав такой умный, а я такой глупый? – Такой вопрос нарисовался вдруг....

– Потому что тебя тараканет.

– Руль. Ты останешься здесь. Мы вернемся. Если что, то ты должен будешь стоять там, и, когда мы вернемся, то ты нас остановишь и предотвратишь ловушку. Вдруг разминка получится.

– А почему я, а не Олег или ты?

– Потому что Славик за рулем, а ты здесь трассу разруливаешь. Руль тут и руль там. Вкуриваешь тему?

На горизонте появились фары.

– Доспорились? Я же тебе говорил? Быстро скидывай стрем!

Сам схватил две канистры с багажника и потащил их в кусты.

– Брат! Заводи, езжай потихоньку, я на ходу запрыгну.

Олег с Рулем спрятали зерно. Руль запрыгнул на перед. Я с Олегом сзади. В салоне я обнаружил две остальные канистры, которые я первые положил в салон сам лично. Мы уже быстро едим.

– Кто канистры не убрал? Руль! Ты что сделал?

– Не знаю. Я мешок принес, я его и унес.

– Ты что, дурак? Кто же в таких делах делится?

– Я от куда знаю? Туда я их не ставил!

Мы приблизились к встречной машине.

– Е-ма-е. Это дядя Саша!

Участковый перегородил нам путь.

– Не ведись!

– Славик, давай быстро выходи к нему навстречу и спроси у него культурно: «Как нам отсюда выбраться? Мол, мы заблудились».

Участковый (это он раньше был участковым в 90-х годах), начальник районной милиции, уже направлялся к машине.

– Славик. Все! Выходи.

Брат не успел ему ничего объяснить, как тут же очутился в канаве от размашистой лапы бравого мужика. Брат там косматил некоторое время. Приходил в себя, пока Дядя Саша нас окучивал прямо в машине. Мне было дико смешно.

Дядя Саша сунулся с правой стороны машины в заднюю дверь, где сидел Олег.

За день до этого... Я, Руль и Олег утащили с заглазника припасенную трехлитровую банку бражки у Олегова бабушки. Серега перепил. Мы с Олегом, уже темно было, вышли на трассу. Встретили толпу подростков. Среди них был огромный парень. Олегу он сломал нос, а я себе случайно об асфальт пол-лица стер. Потом бык куда-то делся. После приехал брат. Мы нашли злодея на хате, где отдыхала толпа. Вывезли на комплекс, на площадку, у бывшей конторы и нахлобучили его до потери памяти.

Начальник со всей силы бил Олега по его сломанному носу. Я же не стал подставлять свою голову и прикрыл ее скрещенными руками. Руль тоже прикрылся. Заставил нас выйти. Обыскал всю машину. Мы вытащили канистры и поставили их на землю так: двадцатилитровую канистру с солярой я поставил с левой стороны машины, если смотреть сзади, Олег поставил десять литров справа. Затем дядя Саша обошел машину, встал возле двадцатилитровой канистры и начал пугать нас тюрьмой. Попугал, подумал и отправил нас домой.

Я не захотел залазить обратно с той стороны, у которой стоит великан. Обязательно пинка даст, поэтому я сел слева.

Залезая в машину, я увидел десять литров солярки и подумал: «Мы все равно уезжаем. Пока он кинется, уже поздно будет». Сунул канистру между сиденьем справа, а сам пролез и присел слева. Олег не видел это и присел следом за мной. Залезая в машину, у Олега глаза становились все шире и шире.

– Дурак! Ты зачем ее сюда поставил?

– Тихо. Не ведись. Мы сейчас быстро уедем – и все. Он даже забудет про нее. Расслабься.

Че ты?

Нехотя Олег прикрыл ногами канистру. Захлопнул двери, и мы...

– Стоять!

– Надо было быстрее. Он тоже думал.

– Так, уроды...

Открыл он двери с Олега стороны.

– Наверное, вы еще ключи утащили? Ну-ка, Олег, подыми ноги. Я взгляну под сидение.

Олег с искренним нехотением приподнял свои ноги, в ужасе посмотрев на меня. Дяди Саши же глаза оказались за орбитой, когда он понял, что канистра все еще здесь. Как он сдержался!

– Это не я! – Крикнул Олег. — Да зачем она мне нужна! Это же ваша канистра?

– Ну, вы? Ну, ты...!!!! Быстро сорвались отсюда, уроды, пока я вас не поубивал!

Дядя забрал канистру и даже забыл посмотреть под сиденьем ключи. (Ключей не брали.)

– Как скажите, дядя Саша.

Тронулись. Объехали микро грузовик. Отъехали на километр и остановились на соседнем поле.

– Ну что будем делать? У кого есть здравые мысли?

– Короче, так... Завтра к нам по-любому заедут менты. Дядя Саша сейчас в отпуске. Значит, он сюда приехал тоже тариться. Иначе милиция была бы сразу. А так, что он тут делает? И он не зря сюда погнал свой грузовик. С коровой сюжет такой же был. Иначе зачем он нас отпустил? Вот же мы. И случай подходящий. Нет. Что-то не верю я в его благородство. Поэтому милиция нас все равно прокумарит. Попугают немного и отпустит. Чтобы было все четко. Поэтому нам надо сейчас вернуться обратно к нему и, якобы, поймать его на краже. Это мы его застукали, а не он нас. Они тут как хотят, так и трелюют. А нас за тридцать литров могут закрыть. Так вопросов много будет. Зачем кому-то решать эту головоломку? Сами же себя и повяжут. Мы поймали его на месте преступления, а не он нас. Вам ясно? Понятно?

– Действительно. А ну-ка поехали поймать его.

– Просто подъедем и засветим его фарами. Они там как раз возятся. И сразу же вернемся. К комбайнам оставалось доехать... но трасса длинная. Быстро не приедешь.

Машина двинулась нам навстречу.

– Видишь!? Все точно так же, как и с нами. Разворачивай! Быстро!

– Гари! Братан! Гари! Не вздумай дать ему обогнать нас! Тормози! Разобьемся!

– Давай!

– Не ведись. На поворотах мы круче.

– Вот. Видишь? Теперь он даст нам уйти. Он думает, что мы думаем, что он думает лучше. Но мы то знаем, что он знает и как он думает. Поэтому давай тормози за первым же поворотом. Он не поедет за нами.

– Поехали. Если мы не поедим сейчас, он нас догонит. Мы не успеем разогнаться.

– Я те говорю. Нет смысла за нами гоняться. Завтра за нами спокойно подъедут, кто надо. Ему то зачем за нами гоняться?

Так и случилось.

Дядя Саша слегка притарил свой грузовичок и спокойно поехал домой в свою деревню.

– Ну и что теперь делать дальше? Теперь менты то точно приедут. И весь этот стрем они повесят на нас.

– Какой стрем? Те тридцать литров, что он у нас забрал? Соляра то и зерно действительно пропали. Кто их учел? Ты о чем говоришь?

– Они придумают что-нибудь.

– Нет. Это мы придумаем.

– Мы его спалили. Он, может, много и не взял. Следов там много. Будет разбор, и его повяжут. Нам надо этого стрема побольше сделать. По башке то мы все равно получим. Поэтому давайте сейчас вернемся туда с пятью пустыми флягами и завтра хоть не обидно будет страдать.

– Нет. Я с вами не поеду. Мне и так досталось круче всех. Я до дому. Решайте этот ребус без меня, пацаны. У меня голова раскалывается. —Сказал Олег.

Олега мы увезли домой, а сами втроем и пятью сорокалитровыми пустыми алюминиевыми флягами вернулись к комбайнам. Наполнили их солярой. Плюс еще с кустов достал те

канистры, что спрятал. Зерна не нашли. В бункерах тоже было пусто. За соляру сказать не могу. Я замеры не делал, сколько там было после нас, его и вот сейчас мы слили всю соляру. Солярка вся уместилась в наших пяти флягах.

– Фантастика. Бункера пусты. Баки тоже. Дядя Саша нас поймал. Поцеловал. Показал дорогу и отпустил. Себе взял лишь только одну нашу канистру. Ну я идиот, что ли, по-вашему? Или как? Подстраховаться тоже надо.

– И ему страховка тоже нужна. Поэтому завтра приедут менты и так нас напугают, что нам место мало будет. И не вздумайте разочаровывать их. Чтобы их боялись вы, как черти Свету. Не то увлекутся. Есть планы и на завтра. Могут посадить, если мычать будем. Будем говорить правду.

Наступило завтра. Брат меня разбудил.

– Все идет так, как ты нам говорил. Держи повестку. Они все культурные. Явиться сегодня же в 15:00 часов. И если не приедете, за вами приедут второй и в третий раз!

– Кто это тебе вручил?

– Дядя Гена участковый. Только что отъехал на мотоцикле.

– Ну все. Все идет по плану.

– А зачем так приоделись то? Все равно ведь грязные, наверное, будем?

– Не сы в компот. Мы еще к девкам в гости поедим. Иначе зачем нам типа галстуки?

– Ничего же страшного не случилось. Это они нам будут свое навязывать. Но мы то им правильную логику распишем. Поиграем в договор. Они настаивать не будут на том, что дядя Саша нас поймал. Они сами не понимают, что он им за бред стелит.

– Соляра то с зерном пропали вовсе. Никто не знает, что мы вернулись дважды.

– А отмазываться как?

По пути я раскидал ребятам план действий. Много раз, чтобы они ничего не напутали.

– Главное, пацаны, чтобы вы ничего не напутали. И как бы вас ни били, ничего не подписывайте. Если видишь, что синяки и кровь выступила. Не можешь терпеть. Перестань. И больше не терпи. Подпишись – не более того, что ты видел и сделал сам.. Потом побои снимем, и они с тем смыслом впухнут. Нам нет еще восемнадцати, а они нас так избили. Посмотри на Олега. У него башка, как у профессионального боксера, который накануне выиграл чемпионат мира по боксу. Главное сейчас – не подавать вида. Будьте спокойны. Не тормозите. Все будет пучком. Всех вытащить можно. И всем остаться тоже можно. Этот ребус мы разгадаем.

Подъехали к опорному пункту.

Войдя в кабинет к участковому, дядя Гена нас с радостью принял. Он не ожидал, что мы сможем подъехать.

Милиционер окинул всех оценивающим взглядом. Мы устояли в тупом ожидании вопроса.

– Зачем позвали, Дядя Гена? Что снова случилось?

– Что у вас вчера случилось с ДЯДЕЙ САШЕЙ на мелиорации, да еще и ночью?

– Ничего не случилось. Мы просто ехали по клетке, заблудились немного. Хорошо, что ДЯДЯ САША нам встретился, а то б, наверное, до сих пор не разъехали бы. Он просто показал нам дорогу. И спасибо ему за это.

– Хорошо. Давайте начнем все с самого начала.

Я объяснил ему все сначала, после чего он покрутил носом и начал бренчать телефоном.

– Я вот сейчас позвоню дяде Саше. Он приедет, и мы все выясним.

– Делай, как скажешь. Он вам подтвердит.

– Я ведь точно позвоню!

Смотрит он на нашу реакцию.

– Александр устроит вам хорошую взбучку! Ой позвоню!

– Да звони уже, достал ты!

– Слушай, Саня. Они у меня. Да. Все приехали. Говорят, что все пучком было и будет. Я не имею право их задерживать.

– Все! Он едет.

Бросил Гена трубку телефона. Тут уж долго ждать не пришлось. Через минуту Дядя Саша стоял в кабинете. Дрожь пробежала по нашим телам, но вида этому пока еще никто не показал.

– Что у вас тут не срастается? Расскажите теперь мне свои басни. Осмотрел он нас всех РАСТЕРЗАЮЩЕ ПРОНИКАЮЩИМ взглядом.

– Только давайте сразу с вами договоримся... Если будете врать, я вас побью так, что вы целый месяц будете писать кровью.

Секундное молчание, и я понимаю, что говорить придется мне.

– Хорошо. Давайте начнем все заново. Как оказалось, что вы очутились там ночью?

– Понимаете, дядя Саша. Мы решили поймать рыбы на малой речке Бирушка. Раньше можно ее было там поймать голыми руками. Мы поехали туда вечером. Так как вода от солнца в течение дня нагревается... ну, чтоб не простудиться. Ловили, ловили, но, так как рыба скользкая и мы плохие рыбаки... конечно же, мы так ничего и не поймали. Стемнело. Как всегда. Мы ближе к ночи выдвигаемся к нашим девчонкам в вашу деревню. И, чтобы не опоздать, решили срезать круг и двинуться по прямой через мелиорацию. Было темно. Сами ведь понимаете, что в темень легко заблудиться. Поворот направо, влево – и все... Ты в тупике. Так и вышло. Случилось так, что рядом оказались комбайны. Я не знаю, насколько долго мы бы блуждали в этом темном лабиринте событий, если бы не вы, ДЯДЯ САША. Огромное вам СПАСИБО за то, что вы, наконец—то, показали нам правильный путь. Мы сразу же выбрались из этого тупика. Пусть мы даже опоздали на стрелку к девчонкам вчера, но все же благополучно добрались домой. Встретимся с ними сегодня. Правильно я говорю, ПАЦАНЫ?

2007 год 13.10

Повтор.

– Я все испортил. Опять уничтожил все записи и стихи. Я не могу больше писать стихи. Меня снова никто не понял.

Москва. И здесь дурдом. Повсюду ложь, насилие и эти стеклянные глаза. Мне нужен компьютер. На этот раз я все напишу правильно. Надо же проделать такой путь и все уничтожить.

Перрон. Я стою с мамой, братом и отцом у вагона. Проходят мимо люди, спешащие на поезд. Проходит молодая пара с сумками и рядом с ними парень с повозкой, они ругаются.

– Я требую извиниться передо мною!

– Пошел на фиг!

– Извинись передо мной!

– Пошел на фиг!

– Я русский, ты гурза! Извинись передо мной!

– Пошел на фиг!

– Мужчины, не ругайтесь!

– Пошла на фиг!

Мне необходимо вернуться в прошлое.

1998 год. Осень

Я учусь в 38 училище на газоэлектросварщика. Второй курс.

Нет. Еще на несколько раньше. Лето. 1997г.

– Попал?

– Нет.

– Попал?

– Нет.

– А сейчас?

– Нет.

– Да как же так?

– Слушай!

10.09.1998г.

Вот так я попал в больницу. Кожно-венерологический диспансер.

С чего начать?

Да. Осень. Я в больнице.

– Денис.

– Рафаэль.

– Будем знакомы. Твоя койка здесь. Сам откуда?

– С Надеждинского.

Как всегда знакомство – я о себе, он за себя, покурили. Свои.

– Ты знаешь, кто я?

– Парень как парень.

– Нет. Я не просто парень. Я Бандит. Наша бригада – Осенневский квартал. Видел парни подъезжали? Вот это называется братва. Понимаешь, в нашем мире очень трудно выжить. Один в поле не воин. Человек по натуре своей стадное существо. Вот мы это поняли и собрались воедино. Наша суть в благом. Святое дело делаем. Понятно, что группировка криминальная, но такова жизнь. Власть менты наворачивают. Заработать денег трудно. Платят копейки. Учиться не сложилось. Профессии нет. Да и по жизни не канает работать. Пусть негры пашут. Вот видишь, парни бравые. Со мной беда, попал в больницу. Ребята не бросают. Конечно, если не толкнешь их, они про тебя забудут. Я позвонил, меня помнят. Подтягивайся к нам.

– Знаешь такого Женю Рыжего?

– Знаю. Ты откуда его знаешь?

– Я с ним в одной группе учился. Его на первом курсе отчислили.

– Женя тоже с нами. Близкий мне. Мир тесен, брат.

За три недели я со многими познакомился.

– Братва. И чего их боятся люди? Нормальные ребята. Надо узнать, что там в общем происходит. Если есть в них что-то страшное, надо понять, в чем их слабость. Так, на всякий случай. Я сунусь туда. Тем более, что у меня есть на крайний случай Женя. Тот, если что, выручит.

Так я начал ходить на квартал. Мне интересно было понять, что такое бандит. Почему бандит такой?

– Можно украсть, развести лоха. Кто виноват ему? На то он и лох, чтоб его разводить. Главное – не бей. Надо чтобы сам отдал. Иначе в мусарню заявит. И от каждой своей движухи ты должен платить процент в общаковскую кассу. Если что случится не так, братва поддержит. От суммы и от тюрьмы не зарекайся. Где беспредел, братва разберется. Накажем любого. Ты

не тупи. Будь попроще, и люди подтянутся к тебе сами. Думай головой. И тогда тебе не придется делать руками. За свое рви всем глотки. За ножи не браться. За ножи, топоры и вилки хватаются гады. Таких можешь хоть ногами пинать, как ментов и всякую красную нечисть. Сказал – делай. Пацан сказал – пацан сделал. Не сделал – что в карты проигрался. И, если взял в руки нож, делай красиво. Не то запинают, как последнюю мразь. Усвоил?

«Бог мой. Какой бред!»

Сразу я все не усвоил.

– Посмотрим, что будет дальше.

С квартала много ребят училось в том же училище, что и я. И вот один из них:

– Рафик, дело такое. Менты наверху. Многих пацанов закрыли. Надо бы передачу закинуть. Чего-нибудь сладенького. Да немного надо. От каждого по способности, да по возможности. На пару бутылок найдешь промутьить?

– Придумать можно. Вот только водички нет.

– Давай завтра с тобой встретимся в 15:00 на Безымянке. Вода – не вопрос.

Завтра в два. Пятница. Брат за мной приехал на Таун Эйсе.

– Слушай, брат. Давай прокатимся с тобой на остановку Безымянная. Там парнишка раствор передаст. Надо сделать гычи на зону. От тюрьмы не зарекайся. Менты действительно наворачивают. Вспомни год назад, что устроили. И посадили бы, если бы не наш дед – ветеран, инвалид Великой Отечественной Войны. Попасть ни за что можно, как не фиг делать. Тем более, дело-то святое, говорят.

– Святое говорят? Ладно. Сейчас на рынок заедем, мне камеру купить надо.

– Не успеем. По понятиям 15 минут ждут. Просохатить стрелку никак нельзя.

– Тем более успеем.

На рынке нам встретились еще с того же квартала трое ребят.

– Ты куда?

– На Безымянку.

– Подбрось? Нам туда же.

– Поехали.

Приехали.

– Вы сейчас куда?

– Надо Артема подождать. Он мне воду передаст – и мы уехали.

– А водичка...? Что отравы масса?

– Много-немного, но на пару бутылок найду. Ведь дело то общее. Надо помогать друг другу.

– Это ты правильно говоришь. У нас тоже есть к вам небольшое дельце. Ты пока с Артемкой встреться. Мы тебя подождем здесь в машине.

– Славик, пошли со мной, выйдем, мне надо тебе сказать лично.

– Слушай, брат, эти парни, смотри, шустрые очень. Сиди с ними в машине, говори, но не заговаривайся. Будут что-то обещать и уговаривать на что-либо, не соглашайся. Особенно, если касается конопли. Хоть и знаю я их, но не настолько, чтоб можно было бы доверять. Эти вопросы решаю я. Так им и скажи. Ты понял?

– Да.

Я пошел на встречу. Парень не пришел.

– Еще кричал: Не сахать стрелку!»

Брат уехал куда-то. Жду еще 15 минут. Приехал обратно уже с четырьмя пацанами.

– Рафаэль. Мы тут с ребятами пару колес придумали на нашу пчелку. Надо в понедельник привезти пакет травы за них. Вот Арслану. Пакет трехкилограммовый.

– Ты что смеешься? Три кило знаешь сколько стоит?

– А ты что, барыга?

– Нет.

– Ну вот тем более. Твой брат говорит, что трава травой, а колеса то надо. Не в том смысле, что три килограмма, а в том, что на пакете написано три килограмма. Вот сколько входит в него, столько соломы и кинешь. Так слегка рукой трумбанешь – и пойдет. В понедельник в училище встретимся. Ты, главное, привези, а после мы сообразим, как с ней поступить в дальнейшем. И дойдет как надо. Видишь с Артемкой не сложилось. Сохатит братан стрелы. Но ты не грузись. Он парень серьезный. Если не пришел, значит, есть уважительная причина тому. Может, в больницу, а, может, в ментуру загремел. Жизнь – только держись. Не волнуйся. Мы сами загоним. Ведь не для себя же. На воле не так нас много, на кого можно положиться в трудную минуту. Но мы есть, а, значит, надо двигаться. И люди будут помнить твою доброту.

– Хорошо. Так и быть. Взял колеса – значит, делаем. Но только в понедельник меня может и не быть в фазанке. Я сам вас найду. На квартале же каждый вечер кто-то есть?

– Да, если нас не найдешь, уж кто-нибудь да все равно будет. Спросишь у ребят, что во дворах кучкуются, нас все знают. Спросишь Арслана. Тебе скажут, где меня найти. Или цынканешь пару раз. Денис показывал как, да? Пару раз свистнешь особо. Да, да вот так.

– Славик. Ты, что сделал? Я же тебе говорил. Зачем намазался на это? Это же не просто трава. Это срок. И как ты мог договариваться, если у тебя нет соломы?

– Но ты же договаривался с кем-то там, кого мы ждали?

– Это на пару бутылок. Ее не надо везти в пакете, гыча и в кармане поместится. А это пакет целый. И нет его у нас.

– Зато есть у Печкина.

– Может, у Печкина есть, но это у него, а не у нас.

– Да, но на машине он тоже любит ездить. А колеса где взять?

– Так-то оно так. Трава травой. Пойми другое. Нельзя показывать им, что так все просто. В деревне, посоветавшись, с Рулем и Печкиным пришли к общему мнению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.